

Один
из самых
популярных
детективных
сериалов
в мире

КОГДА УБИВАЮТ СВОИХ

Полиция Ю Несбё

Annotation

Когда офицера полиции находят мертвым на месте давнего нераскрытого убийства, в расследовании которого он участвовал, это вряд ли может быть случайностью. Когда то же самое происходит с двумя другими полицейскими, принцип этих преступлений становится столь же ясным, сколь и пугающим. Ни одно из тех старых дел не было раскрыто. Новые убийства совершены с невероятной жестокостью, а у полиции нет ни единой зацепки. И что хуже всего, они лишились своего лучшего следователя.

А в это время в одной из больниц Осло лежит в коме тяжелораненый человек. Личность пациента хранится в секрете, его палату охраняет полиция...

Впервые на русском языке!

Ю Несбё

Полиция

POLITI

by Jo Nesbø

Copyright © Jo Nesbø 2013

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Jo Nesbø, 2013

© Е. Лавринойтис, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Он спал там, за дверью.

Внутри угловой шкаф пах старым деревом, пороховыми газами и оружейным маслом. Когда в окно комнаты снаружи светило солнце, через замочную скважину в дверце шкафа проникал тонкий лучик в форме конуса, а когда солнце светило под нужным углом, свет попадал на пистолет, лежащий на средней полке.

Пистолет был русской марки «одесса», копия более известного пистолета Стечкина.

Оружие это немало поскиталось на своем веку: переехало с кулаками из Литвы в Сибирь, кочевало из одной штаб-квартиры урок в другую по всей Южной Сибири, побывало в собственности у атамана, предводителя казаков, – он держал его в руках в тот миг, когда его застрелили милиционеры, – и только после этого оказалось у начальника тагильской тюрьмы, коллекционировавшего оружие. В конце концов этот страшный угловатый пистолет был привезен в Норвегию Рудольфом Асаевым, который до своего исчезновения монополизировал рынок наркотиков в Осло с помощью героиноподобного опиоида «скрипка». Оружие и теперь находилось в этом городе, а если точнее, то на улице Хольменколлвейен, в доме Ракели Фёуке. У «одессы» имелся магазин на двадцать патронов калибра «макаров» девять на восемнадцать миллиметров, из него можно было стрелять как одиночными, так и очередями. В магазине оставалось двенадцать патронов.

Три пули из этого пистолета были выпущены в дилеров из конкурирующей группировки косовских албанцев, причем только одна пуля попала в человеческую плоть.

Еще две пули убили Густо Ханссена, молодого вора и торговца наркотиками, укравшего деньги и дурь у Асаева.

Пистолет все еще хранил запах трех последних выстрелов, поразивших голову и грудь бывшего полицейского Харри Холе, который вел расследование убийства Густо Ханссена. Даже место совершения двух последних преступлений было одним и тем же: улица Хаусманна, дом 92.

Полиция еще не раскрыла убийство Густо, и восемнадцатилетний юноша, арестованный по подозрению в совершении этого преступления, был выпущен на свободу в частности из-за того, что полиция не нашла ни самого орудия убийства, ни связи между юношей и орудием убийства. Мальчишку звали Олег Фёуке. Он просыпался каждую ночь и, глядя в пустоту, слышал звуки выстрелов. Не тех, которыми он убил Густо Ханссена, а других. Тех, что были сделаны в полицейского, который заменил ему в детстве отца и когда-нибудь собирался жениться на его матери, Ракели. Харри Холе. Его взгляд горел в темноте перед глазами Олега. Юноша думал о пистолете в дальнем угловом шкафу и надеялся, что больше никогда в жизни его не увидит. Что его больше никто никогда не увидит. Что он почиет в вечности.

Он спал там, за дверью.

Охраняемая больничная палата пахла лекарствами и краской. Аппарат рядом с кроватью регистрировал удары его сердца.

Исабелла Скёйен, член городского совета Осло, отвечающая за социальную политику, и Микаэль Бельман, новоиспеченный начальник полиции, надеялись, что больше никогда его не увидят.

Что больше никто его не увидит.

Что он почиет в вечности.

Стоял теплый длинный сентябрьский день. Падающий на Осло-фьорд свет превратил его воды в расплавленное серебро и заставил запылать яркими красками луга, уже тронутые дыханием осени. Был один из тех дней, когда жители Осло клянутся, что никогда в жизни не переедут из этого города. Солнце вот-вот должно было сесть в районе Уллерна, и последние, почти горизонтальные его лучи скользили по окружающему пейзажу: по низким скромным доходным домам, свидетелям появления небогатого города; по дорогостоящим пентхаусам с террасами, продуктам нефтяной сказки, внезапно сделавшей эту страну одной из богатейших в мире; по торчкам в Стенс-парке, собиравшимся в хорошо организованном городе, где от передозировки наркотиками умирает больше людей, чем в других европейских городах, в несколько раз превосходящих его размерами. Лучи скользили по садикам, где на всех батутах были закреплены защитные сетки, а дети прыгали на них не больше чем по трое, как предписывала инструкция. А также по лугам и лесам, окаймлявшим так называемый Ослоский котлован. Солнце не хотело расставаться с городом, вытягивая пальцы-лучи подобно тому, как из окна поезда вытягивается рука в затянувшемся прощании.

Начало дня ознаменовалось приходом холодного чистого воздуха и яркого, как в операционной, света. Со временем температура повысилась, небо приобрело глубокий голубой цвет, а воздух – ту приятную осязаемость, которая делает сентябрь лучшим месяцем в году. И когда мягко и осторожно опустились сумерки, в районе вилл на холмах вокруг озера Маридалсваннет запахло яблоками и теплой хвоей.

Эрленд Веннесла приближался к вершине последнего холма. Ощущая в мышцах молочную кислоту, он сосредоточился на том, чтобы жать на педали правильным движением сверху вниз, направляя при этом колени внутрь. Потому что правильная техника крайне важна, особенно когда человек устал и мозг его стремится изменить положение тела так, чтобы переложить нагрузку на менее уставшие, но и менее эффективные мышцы. Он чувствовал, как жесткая велосипедная рама поглощает и использует каждый вдавливаемый в нее ватт, как при переключении на более высокую передачу происходит ускорение. Веннесла поднялся с сиденья и попытался сохранить неизменной частоту вращения педалей – девяносто нажатий в минуту. Он бросил взгляд на пульсник. Сто шестьдесят восемь. Веннесла направил свет фонаря на шлеме на экран GPS, прикрепленный к рулю. В него была закачана подробная карта Осло и окрестностей, и он был снабжен активным передатчиком. Велосипед и дополнительное оборудование стоили дороже, чем, строго говоря, мог потратить недавно вышедший на пенсию следователь по особо тяжким преступлениям. Но теперь, когда жизнь бросает другие вызовы, важно поддерживать хорошую физическую форму.

Небольшие вызовы, если быть честным.

Молочная кислота щипала бедра и ноги. Эти болезненные ощущения предвещали то, что произойдет потом. Праздник эндорфина. Ноющие мышцы. Чистую совесть. Пиво с женой на балконе, если после захода солнца не сильно похолодает.

И вдруг он оказался на вершине. Дорога теперь шла по равнине, а прямо перед ним раскинулось озеро Маридалсваннет. Веннесла сбросил скорость. Он был за городом. На самом деле немного абсурдно, что после пятнадцати минут быстрой езды на велосипеде из центра европейской столицы человек попадает на территорию, где его окружают хутора,

поля, густой лес и туристы, исчезающие в вечернем мраке. Голова под велосипедным шлемом фирмы «Белл», стоившим больше, чем детский велосипед, который он подарил на шестилетие внучке Лине Марии, чесалась от пота. Но Эрленд Веннесла не снял шлема. Причиной большинства случаев гибели велосипедистов являются травмы головы.

Он посмотрел на напульсник. Сто семьдесят пять. Сто семьдесят два. Желанное дуновение ветерка принесло из города шум радостных криков. Наверное, со стадиона «Уллевол». Там сегодня вечером проходит международный матч то ли со Словакией, то ли со Словенией. На несколько секунд Эрленд Веннесла представил, что это кричат в его честь. Ему уже давно никто не аплодировал, в последний раз это случилось во время церемонии его проводов из Крипоса^[1] в районе Брюн. Кремовый торт, речь шефа, Микаэля Бельмана, который с того времени твердым курсом двигался к посту начальника Полицейского управления Осло. А Эрленд принимал аплодисменты, ловил взгляды коллег, благодарил их и даже почувствовал першение в горле, когда собрался произнести свою короткую, насыщенную фактами благодарственную речь, как это было принято в Крипосе. В качестве следователя по особо тяжким преступлениям он переживал взлеты и падения, но ему удалось избежать больших ошибок. Однако, насколько ему было известно, стопроцентной уверенности в таких вопросах быть не может. Во всяком случае, теперь, когда далеко продвинулись технологии анализа ДНК и полицейское начальство послало сигнал, что они будут использованы для проверки кое-каких старых дел, существовал риск получить ответы. Новые ответы. Окончательные. Эрленд не возражал против использования новых технологий для расследования нераскрытых преступлений, но не понимал, зачем тратить ресурсы на копание в давно завершенных и закрытых делах.

Тьма сгустилась, и, хотя уличное освещение уже было включено, он чуть не проехал указатель поворота на лесную тропинку. Но указатель был на месте. На том самом, которое Эрленд помнил. Он свернул с дороги и оказался на лесной тропе, покрытой мягкой листвой. Он ехал медленно, но не терял равновесия. Столб света от фонаря на шлеме скользил по тропинке и исчезал за елями, что плотной стеной возвышались по обе стороны от Эрленда. Перед ним опасно и торопливо проносились переменчивые тени, а потом неожиданно пропадали. Именно так он все себе и представлял, когда пытался поставить себя на ее место. Представлял, как она неслась с ручным фонариком в руках, сбежав из заточения, где ее три дня насиловали.

И когда Эрленд Веннесла внезапно увидел, как во мраке впереди него зажегся фонарик, он подумал, что это ее фонарик и что она снова бежит, а он гонится за ней на мотоцикле, чтобы поймать. Свет перед Эрлендом помигал, а затем упал прямо на его лицо. Он остановился, слез с велосипеда и направил свой фонарь на напульсник. Уже меньше ста. Неплохо.

Он ослабил ремень шлема, снял его с головы и почесался. Господи, как же хорошо! Он погасил фонарь, повесил шлем на руль и покатил велосипед по направлению к свету, чувствуя, как шлем бренчит и бьется о руку.

Перед поднятым фонариком Веннесла остановился. От колючих лучей заболели глаза. Слепленный, он подумал, что все еще слышит свое тяжелое дыхание и странно, что пульс у него такой низкий. Ему почудилось движение, будто там, позади большого дрожащего круга света, что-то поднялось вверх. Он услышал свист, и в тот же миг ему в голову пришла удивительная мысль. Ему не стоило делать это. Не стоило снимать шлем. Причиной большинства случаев гибели велосипедистов...

Мысль его заклинило, словно произошел скачок во времени и он на мгновение утратил способность видеть.

Эрленд Веннесла удивленно посмотрел вперед, ощущая, как по его лбу бежит теплая капля пота. Он заговорил, но слова были лишены смысла, как будто связь между мозгом и языком нарушилась. Он снова услышал тихий свист. А потом звук пропал. Все звуки исчезли, даже звук его дыхания. И он обнаружил, что стоит на коленях, а велосипед медленно заваливается в кювет. Перед ним плясал желтый свет, исчезнувший, когда капля пота достигла переносицы, стекла в глаза и ослепила его. И он понял, что это не пот.

После третьего удара он почувствовал, что ему в голову вонзилась сосулька и прошла через горло в туловище. Он похолодел.

«Я не умру», – подумал он и попытался поднять руку, чтобы защитить голову, но оказался не в состоянии пошевелить ни одной частью тела и понял, что парализован.

Четвертого удара он не заметил, но по запаху прелой листвы догадался, что упал на землю. Он несколько раз моргнул, и в один глаз вернулось зрение. Прямо перед собой он увидел пару стоящих в грязи черных испачканных сапог. Каблуки приподнимались, и сапоги отрывались от земли. И опускались обратно. Движения повторялись. Каблуки приподнимались, сапоги отрывались от земли. Как будто тот, кто бил его, прыгал. Прыгал, чтобы вложить в удары как можно больше силы. И последней мыслью, промчавшейся в мозгу Эрленда, было то, что ему нужно вспомнить, как зовут внучку, его внучку, ему необходимо сохранить в памяти ее имя.

Полицейский Антон Миттет вынул наполненный наполовину пластмассовый стаканчик из маленькой красной кофеварки «Несpresso Д290», наклонился и опустил его на пол – никакой мебели поблизости не было. Потом он перевернул вверх ногами продолговатую коробку, и в ладони его оказалась новая капсула кофе. Он автоматически проверил, не повреждена ли у нее крышка, не была ли она уже использована, и вставил капсулу в кофеварку. Засунул под кран пустой стаканчик и нажал на одну из светящихся кнопок.

Машина дышала и стонала. Антон посмотрел на часы. Скоро полночь. Пересменка. Его ждали дома, но он посчитал, что должен объяснить ей круг обязанностей, она ведь всего-навсего студентка Полицейской академии. Силье – так, что ли, ее зовут? Антон Миттет уставился на кран. Стал бы он варить кофе коллеге-мужчине? Он не знал. Да и не все ли равно, он давно перестал отвечать себе на такие вопросы. Было так тихо, что он слышал, как последние, почти прозрачные капли падают в пластмассовый стаканчик. Из капсулы уже вышел весь вкус и запах, но ему было важно собрать все капли до единой, потому что девочке предстояло длинное ночное дежурство. Без компании, без происшествий, без всяких других занятий, кроме разглядывания неокрашенной голой бетонной стены Национальной больницы. Поэтому он решил перед уходом выпить с ней чашечку кофе.

Антон взял оба стаканчика и пошел назад. Звук его шагов отражался от стен. Он двигался мимо закрытых запертых дверей, зная, что за ними нет никого и ничего, кроме голых стен. Когда норвежцы возводили Национальную больницу, они в кои-то веки подумали о будущем, отдавая себе отчет в том, что их будет больше, они станут старше, будут больше болеть и требования их будут расти. Подумали на перспективу, как немцы со своими автострадами и шведы со своими аэропортами. Но испытывали ли те же чувства немногочисленные автомобилисты, в гордом одиночестве пересекавшие сельскую Германию по огромным бетонным дорогам в тридцатые годы, или шведские пассажиры, спешащие по преувеличенно большим залам Арланды в шестидесятые? Ощущали ли они присутствие призраков? Чувствовали ли они, что, несмотря на новизну и чистоту этих объектов, на то, что еще никто не погиб в автомобильной или авиационной катастрофе, там обитают призраки? И автомобильные фары в любой момент могут высветить стоящую на обочине семью, все члены которой без всякого выражения всматриваются в свет, окровавленные, бледные: отец, пронзенный насквозь, мать со свернутой набок шей и ребенок с оторванными конечностями. А из-за пластиковой занавески транспортера, через которую багаж выезжает в зал прибытия аэропорта Арланда^[2], может появиться обгорелый, все еще тлеющий труп, под которым плавится резина ленты, а в его открытых дымящихся челюстях замер безмолвный крик. Никто из врачей не мог сказать ему, для чего это крыло здания станет использоваться в будущем; единственное, что было точно известно: за этими дверьми будут умирать люди. Это уже носилось в воздухе, невидимые тела с неуспокоившимися душами уже лежали здесь.

Антон завернул за угол, и перед ним возник еще один коридор, слабо освещенный и тоже пустой. Он имел настолько симметричную квадратную форму, что возникала оптическая иллюзия: казалось, что девочка в форме, сидящая на стуле в самом конце коридора, – это маленькая картинка на ровной стене.

– Вот, я тебе тоже принес кофе, – сказал он, подходя к ней.

Лет двадцать? Немного больше. Может, двадцать два.

– Спасибо, у меня с собой, – ответила она, вынимая термос из маленького рюкзака, стоящего рядом со стулом.

В ее интонации прозвучал почти незаметный скачок, остаток диалекта, скорее всего северного.

– Этот лучше, – заметил Антон, по-прежнему протягивая ей кофе.

Она помедлила, а потом взяла стаканчик.

– К тому же он бесплатный, – добавил Антон и тактично убрал руку за спину, прижав обожженные пальцы к холодной ткани пиджака. – У нас практически собственная кофеварка. Она находится в коридоре у...

– Я видела ее, когда пришла, – ответила она. – Но в инструкции написано, что мы ни на секунду не должны отходить от двери в палату пациента, поэтому я принесла кофе из дома.

Антон Миттет сделал глоток из своего пластикового стаканчика.

– Это хорошо. Но сюда ведет только один коридор. Мы находимся на четвертом этаже, между нами и кофеваркой нет дверей, ведущих на другие лестницы или выходы. Так что мимо нас невозможно проскользнуть, даже если мы пошли за кофе.

– Что ж, вы меня успокоили, но я, пожалуй, буду следовать инструкции.

Она быстро улыбнулась. А потом, возможно чтобы сгладить скрытое порицание, глотнула из стаканчика.

Антон почувствовал легкий укол раздражения и почти уже собрался сказать что-нибудь насчет самостоятельного мышления, которое приходит с опытом, но не успел до конца сформулировать свою мысль – его внимание привлекло кое-что в глубине коридора. Казалось, что в их сторону плывет по воздуху некое белое создание. Он услышал, как поднялась Силье. Создание приняло более определенную форму. Превратилось в полную блондинку в одежде медсестры. Антон знал, что сегодня ночью она дежурит, а завтра вечером свободна.

– Добрый вечер, – сказала медсестра с шутливой улыбкой, подняла вверх два шприца, подошла к двери и взялась за ручку.

– Подождите, – выступила вперед Силье. – Я должна внимательно прочитать ваше удостоверение. Вы знаете сегодняшний пароль?

Медсестра удивленно посмотрела на Антона.

– Если, конечно, мой коллега не позволит вам войти, – добавила Силье.

Антон кивнул:

– Конечно входи, Мона.

Медсестра открыла дверь, и Антон посмотрел ей вслед. В тускло освещенной палате ему были видны аппараты, окружающие койку, и пальцы ног, торчащие из-под одеяла. Пациент был так высок, что им пришлось искать для него особо длинную кровать. Дверь закрылась.

– Хорошо, – сказал Антон.

Он улыбнулся Силье и заметил, что ей случившееся не понравилось. Что она сочла его мужским шовинистом, только что поставившим оценку более молодой коллеге женского пола. Но она ведь студентка, черт возьми, и на практике должна набираться опыта у старших коллег. Он стоял, покачиваясь на каблуках, не зная, с какого конца начать. Девушка его опередила:

– Я уже говорила, что изучила инструкцию. А вас, наверное, дома ждут.

Он поднес пластиковый стаканчик к губам. Что она знает о его семейном положении? Не нафантазировала ли чего-нибудь насчет его и Моны? Например, что он пару раз подвез ее вечером домой и этим дело не кончилось?

– Наклейка с медвежонком на вашей сумке, – произнесла Силье, улыбаясь.

Антон сделал большой глоток. Кашлянул.

– У меня есть время. Поскольку это твое первое дежурство, ты можешь, пользуясь случаем, задать мне вопросы, если они у тебя есть. Не всегда все записано в инструкции, знаешь ли. – Он сменил тон, надеясь, что она услышит и поймет подтекст.

– Как хотите, – ответила Силье с той раздражающей самоуверенностью, какую могут позволить себе только люди моложе двадцати пяти. – Пациент в палате. Кто он?

– Этого я не знаю. Это тоже написано в инструкции. Он аноним и должен оставаться таковым.

– Но кое-что вы ведь знаете?

– Разве?

– Мона. Вы не станете называть человека по имени, если не общались с ним раньше. Что она рассказывает?

Антон Миттет посмотрел на нее. В общем-то, красивая, но нет в ней ни теплоты, ни шарма. Слишком худая на его вкус. С неприбранными волосами и приподнятой верхней губой, открывающей неровные передние зубы. Но она была молода. Тело ее под формой было крепким и тренированным, это он знал наверняка. Интересно, если бы он рассказал ей то, что знал, то по какой причине? Потому что бессознательно просчитал, что доброжелательность с его стороны повысит шансы переспать с ней с нуля до одной десятой процента? Или потому, что девочки вроде нее становятся старшими инспекторами или следователями по особо важным делам в течение пяти лет и когда-нибудь будут его начальницами, ведь он навсегда останется простым полицейским, поскольку драмменское дело ему не забудут, оно как стена, как пятно, которое невозможно вывести.

– Покушение на убийство, – сказал Антон. – Потерял много крови. Говорят, при поступлении в больницу у него едва прощупывался пульс. Все время пролежал в коме.

– Зачем его охраняют?

Антон пожал плечами:

– Потенциальный свидетель. Если выживет.

– Что он знает?

– Дела с наркотиками. На высоком уровне. Если он очнется, то, вполне вероятно, сможет привязать важных людей к трафику наркотиков в Осло. Плюс расскажет, кто хотел его убить.

– Значит, убийца может вернуться, чтобы закончить свою работу?

– Если узнает, что он выжил и где он находится, то может. Поэтому мы здесь.

Она кивнула:

– А он выживет?

Антон покачал головой:

– Они считают, что смогут поддерживать в нем жизнь в течение нескольких месяцев, но шансы, что он выйдет из комы, очень малы. И все же... – Антон снова сменил тон, ее пристальный взгляд был ему неприятен. – До тех пор его будут охранять.

Когда Антон Миттет уходил, ему казалось, что он потерпел поражение. Он спустился по лестнице из приемного покоя и шагнул в осенний вечер. Только усевшись в машину на

парковке, он заметил, что мобильный телефон вибрирует.

Звонили из оперативного центра.

– Маридален, убийство, – сказал ноль-один. – Знаю, ты уже сдал вахту, но нужна помощь в оцеплении места преступления. А поскольку ты в форме...

– Сколько времени это займет?

– Ты освободишься максимум через три часа.

Антон удивился. В последнее время делалось все, чтобы избавить полицейских от сверхурочной работы. Даже практические соображения не могли победить строгие правила в сочетании со скромным бюджетом. У него мелькнула мысль, что в этом убийстве должно быть что-то особенное. Он надеялся, что убили не ребенка.

– Хорошо, – ответил Антон Миттет.

– Высылаю GPS-координаты.

Это было новшеством: подробные GPS-карты Осло и окрестностей и активные передатчики позволяли операционному центру определить местоположение каждого сотрудника. Ему и позвонили потому, что он был ближе всех.

– Отлично, – сказал Антон. – Три часа.

Лаура уже легла, но она любит, когда он быстро возвращается домой после смены, поэтому Антон послал ей эсэмэску, завел двигатель и поехал по направлению к озеру Маридалсваннет.

Антону не надо было сверяться с GPS-картой. У въезда на улицу Уллеволсетервейен были припаркованы четыре полицейские машины, а чуть дальше дорогу указывали оранжево-белые ленты оцепления.

Антон вынул фонарик из бардачка машины и подошел к полицейскому, стоявшему с наружной стороны оцепления. Он увидел мечущиеся по лесу огоньки фонариков и лампы криминалистов, всегда напоминавшие ему о съемках кино. И это было не так далеко от истины: в наши дни криминалисты не только делали обычные фотографии, но снимали на HD-камеру как жертв, так и все место преступления, чтобы потом при необходимости можно было сделать стоп-кадр какой-нибудь детали, при первичном осмотре показавшейся незначительной, и увеличить его.

– Что случилось? – спросил он у полицейского, который стоял перед лентой оцепления, обхватив себя руками, и тряся.

– Убийство, – невнятно произнес полицейский.

На его мертвенно бледном лице выделялись покрасневшие глаза.

– Слышал. Кто здесь старший?

– Криминалисты. Лённ.

Антон услышал доносившийся из леса шум голосов. Их было много.

– Из Крипоса или убойного отдела никого?

– Люди подъедут, труп нашли совсем недавно. Ты меня приехал сменить?

Еще люди. И тем не менее его вызвали работать сверхурочно. Антон внимательнее пригляделся к полицейскому. На нем была толстая куртка, но тряся он все сильнее. А ведь на улице даже не было холодно.

– Ты первым приехал на место преступления?

Полицейский молча кивнул и опустил глаза, сильно топнув ногой по земле.

«Черт, – подумал Антон. – Ребенок». Он сглотнул.

– Эй, Антон, тебя прислал ноль-один?

Антон поднял глаза. Он не слышал, как эти двое вышли из чащи леса. Он уже раньше видел, как криминалисты передвигаются по месту преступления. Они были похожи на располневших танцоров, которые уворачиваются абсолютно от всех предметов и ставят ноги на землю, как астронавты на лунную поверхность. А может быть, такую ассоциацию вызывали их белые огромные костюмы.

– Да, я должен кого-то сменить, – ответил Антон женщине.

Он прекрасно знал, кто она такая, да и все знали. У Беаты Лённ, начальницы криминалистического отдела, была репутация этакого «человека дождя» в женском обличье из-за ее памяти на лица, благодаря которой по нечетким изображениям с камер наблюдения удалось идентифицировать не одного грабителя. Говорили, что она могла узнать даже хорошо замаскированного грабителя, если раньше он уже предстал перед судом, и что в ее маленькой белокурой головке содержится база данных из нескольких тысяч полицейских фотографий преступников. Так что в этом убийстве наверняка было что-то особенное, начальников посреди ночи на выезд не посылают.

Рядом с бледным, почти прозрачным лицом миниатюрной женщины физиономия ее коллеги, казалось, пылала румянцем. Два ярко-рыжих полукружия бакенбардов обрамляли веснушчатые щеки, глаза слегка выпирали из орбит, словно давление изнутри было слишком высоким, и это придавало всему лицу глуповатое выражение. Но самой удивительной была шапка, которая стала видна после того, как мужчина снял с себя белый колпак: огромная растаманская шапка в цветах Ямайки, зелено-желто-черная.

Беата Лённ положила руку на плечо трясущегося полицейского:

– Тогда можешь ехать домой, Симон. Никому не говори, что это я посоветовала, но рекомендую тебе принять порцию крепкого алкоголя и лечь спать.

Полицейский кивнул, и через три секунды его сутулую спину поглотила тьма.

– Так страшно? – спросил Антон.

– Кофе у тебя нет? – спросил Растаманская Шапка и открыл термос.

По нескольким произнесенным словам Антон понял, что Шапка не из Осло. Наверняка из деревни, но, как и большинство жителей городов Восточной Норвегии, Антон не особенно разбирался да и не стремился разобраться в диалектах.

– Нет, – ответил Антон.

– Неплохо прихватить своего кофейку на место преступления, – сказал Растаманская Шапка. – Не знаешь ведь, сколько времени здесь придется торчать.

– Ладно тебе, Бьёрн. Он уже работал по убийствам, – произнесла Беата Лённ. – Драммен, верно?

– Точно, – ответил Антон, покачиваясь на каблуках.

Чуть-чуть поработал с убийствами, было бы точнее. И к сожалению, он догадывался, откуда Беата Лённ его помнит. Он сделал вдох:

– Кто обнаружил труп?

– Вот он, – ответила она, кивнув в направлении полицейского автомобиля, у которого в тот же миг взревел двигатель.

– Я хотел спросить, кто нашел труп и сообщил о нем.

– Да жenuшка его брякнула нам, когда он не явился домой после катания на велике, – произнес Растаманская Шапка. – Собирался всего с часок покрутить педалями, она и испугалась, что у него сердечко крякнулось. Но он прихватил с собой GPS с передатчиком,

так что его быстро нашли.

Антон медленно кивал, мысленно представляя картину. Двое полицейских, женщина и мужчина, звонят в двери дома. Полицейские откашливаются и смотрят на жену погибшего серьезным взглядом, который должен поведать ей то, что скоро они сообщат словами, невозможными словами. Лицо жены, глядящей на полицейских: она не хочет, но все-таки выворачивает душу наизнанку и показывает им все свои эмоции.

В памяти всплыло лицо Лауры, его собственной жены.

К ним плавно подъехала «скорая» с выключенными сиреной и мигалкой.

Антон сообразил. Быстрая реакция на обычное сообщение об исчезновении человека. GPS с передатчиком. Прибытие начальства. Сверхурочные. Коллега, которого так трясло после обнаружения тела, что его пришлось отправить домой.

– Это полицейский, – тихо сказал он.

– Думаю, что здесь температура воздуха была градуса на два с половиной ниже, чем в городе, – произнесла Беата Лённ, набирая номер на мобильном телефоне.

– Точно, – подтвердил Растаманская Шапка, глотнув кофе из крышки термоса. – Цвет кожных покровов еще не изменился. Значит, где-то между восемью и десятью?

– Это полицейский, – повторил Антон. – Поэтому приехали все, так ведь?

– Катрина? – заговорила Беата. – Сможешь проверить для меня кое-что? Речь о деле Сандры Тветен. Правильно.

– Вот блин! – воскликнул Шапка. – Я же просил их подождать, пока не привезут мешки для трупов.

Антон повернулся и увидел вылезавших из чащи леса двух мужчин с носилками криминалистической группы. Из-под покрывала торчала пара велосипедных кроссовок.

– Он знал его, – догадался Антон. – Именно поэтому его так трясло?

– Он сказал, что они вместе пахали в Экерне до того, как Веннесла перешел в Крипос, – произнес Растаманская Шапка.

– А какая там дата? – спросила Беата по телефону.

Раздался возглас.

– Да что же это... – простонал Шапка.

Антон повернулся. Один из носильщиков соскользнул в кювет. Столб света от его налобного фонаря метнулся к носилкам и покрывалу, упавшему на землю. По... по чему? Антон взгляделся. Это что, голова? То, что венчает предмет, ранее несомненно бывший человеческим телом, – неужели это и вправду голова? За годы, что Антон проработал в отделе по особо тяжким преступлениям до совершения большой ошибки, он повидал множество трупов, но ни один из них не выглядел так, как этот. Субстанция, формой напоминая песочные часы, навела его на мысли о воскресном завтраке, о сваренном Лаурой всмятку яйце с остатками скорлупы, треснувшем так, что желток вытек и размазался по загустевшей, но все еще мягкой поверхности белка. Неужели это действительно... голова?

Антон стоял в темноте и моргал, глядя на удаляющиеся фары «скорой». И он понял, что это повтор, что такое он уже видел. Одетые в белое фигуры, термос, ноги, высывающиеся из-под покрывала, – все это он только что видел в Национальной больнице. Как будто это было предзнаменование. Голова...

– Спасибо, Катрина, – сказала Беата.

– Ну так что? – осведомился Шапка.

– Я работала здесь с Эрлендом, – произнесла Беата.

– Здесь? – спросил Шапка.

– Прямо здесь. Он отвечал за тактику. Это было лет десять назад. Сандра Тветен. Изнасилование и убийство. Совсем ребенок.

Антон сглотнул. Ребенок. Повторы.

– Помню то дельце, – сказал Растаманская Шапка. – Удивительная судьба: погибнуть на месте преступления, которое сам расследовал, только подумай. Та история с Сандрой тоже ведь осенью случилась?

Беата не ответила, только задумчиво кивнула.

Антон моргал и моргал. Этого не может быть, он уже видел похожий труп.

– Вот блин! – воскликнул Шапка. – Ты же не хочешь сказать, что...

Беата Лённ взяла из его рук крышку термоса. Глотнула кофе. Протянула чашку обратно. Кивнула.

– Твою мать, – прошептал Шапка.

– Дежавю, – сказал Столе Эуне, глядя на снежную вьюгу, разразившуюся над улицей Спурьвейсгата, где мгла декабрьского утра собиралась уступить место короткому дню. Он повернулся к человеку, сидевшему на стуле у письменного стола. – Дежавю – это ощущение, будто ты видишь то, что уже когда-то видел. Мы не знаем, что это такое.

Под «мы» он подразумевал всех психологов, а не только психотерапевтов.

– Некоторые считают, что, когда мы устаем, начинаются задержки с передачей информации в часть мозга, отвечающую за сознание, так что эта информация добирается до сознания, какое-то время пробыв в подсознании. И мы воспринимаем этот факт как узнавание. Связь с усталостью может объяснить, почему чаще всего дежавю случается в конце рабочей недели. Но это, пожалуй, все, что известно науке. Что пятница – это день дежавю.

Возможно, Столе Эуне ожидал увидеть улыбку. Не потому, что улыбка что-то значила для его профессиональных усилий помочь людям починить себя, а потому, что она была нужна в этой комнате.

– Я говорю не о таком дежавю, – сказал пациент.

Заказчик. Клиент. Человек, который приблизительно через двадцать минут оплатит в приемной свой визит и тем самым поможет покрыть общие расходы пяти психологов, занимающих каждый свой кабинет в четырехэтажном безликом и вместе с тем несовременном здании на улице Спурьвейсгата в не самой модной части западного Осло. Столе Эуне тайком бросил взгляд на часы, висящие на стене за спиной мужчины. Восемнадцать минут.

– Это как сон, который я вижу снова и снова.

– Как сон?

Взгляд Столе Эуне вновь скользнул по газете, лежащей в открытом ящике письменного стола так, чтобы пациент ее не видел. Большинство терапевтов в наше время сидят на стуле прямо напротив клиента, поэтому, когда в кабинет Столе втиснули огромный письменный стол, ухмыляющиеся коллеги сообщили ему, что современная теория психотерапии советует устанавливать как можно меньше физических преград между терапевтом и пациентом. Столе ответил кратко: «Возможно, так лучше для пациента».

– Это сон. Я вижу это во сне.

– Повторяющиеся сны – обычное явление, – сказал Эуне и провел рукой по лицу, скрывая зевок.

Он с тоской подумал о старом добром диване, который вынесли из его кабинета в общую приемную, где он вместе со штангой на опорных стойках являл собой некую психотерапевтическую шутку. Когда пациент сидел на диване, Эуне было значительно легче читать газеты.

– Но я больше не хочу видеть этот сон.

Слабая самоуверенная улыбка. Редкие, хорошо подстриженные волосы.

«Добро пожаловать к изгоняющему сны», – подумал Эуне и попытался так же слабо улыбнуться в ответ. На пациенте были костюм в тонкую полоску, галстук в серых и розовых тонах, начищенные черные ботинки. Сам Эуне был одет в твидовый пиджак, под двойным подбородком у него была повязана веселенькая бабочка, а его ботинки уже давно не

встречались с обувной щеткой.

– Может быть, вы расскажете, о чем этот сон?

– Я только что рассказал.

– Да, но не могли бы вы привести больше подробностей?

– Как я уже говорил, он начинается с того места, на котором заканчивается «Dark Side of the Moon»^[3]. Дэвид Гилмор допевает песню «Eclipse»^[4]... – Мужчина накрепко губы, после чего перешел на такой манерный английский, что Эуне буквально видел, как к этим поджатым губам приближается чашка с чаем: – «And everything under the sun is in tune but the sun is eclipsed by the moon»^[5].

– И об этом ваш сон?

– Нет! Да. В общем, в действительности альбом заканчивается так же. Оптимистично. После сорока пяти минут смерти и безумия. И ты думаешь, что все закончилось хорошо. Снова везде царит гармония. Но когда музыка затихает, на заднем плане можно расслышать голос, который что-то бормочет. Для того чтобы разобрать слова, надо врубить звук на полную катушку. И тогда они становятся очень хорошо слышны: «There is no dark side of the moon, really. Matter of fact, it's all dark»^[6]. Она вся темная. Понимаете?

– Нет, – ответил Эуне.

По учебнику он должен был бы спросить: «Важно ли вам, чтобы я вас понял?» – или что-нибудь в том же духе. Но он не мог себя заставить.

– Зло существует не потому, что все вокруг злое. В космосе царит мрак. Мы рождаемся злыми. Зло на самом деле естественно. А иногда кое-где появляется крошечный свет. Но только на время. Потом нам приходится возвращаться во мрак. Вот что происходит в моем сне.

– Продолжайте, – попросил Эуне, повернулся вместе со стулом к окну и задумчиво посмотрел на улицу.

Задумчивость была призвана скрыть тот факт, что ему захотелось увидеть что-нибудь, помимо лица собеседника, выражающего смесь жалости к себе и самодовольства. Мужчина, без сомнения, считал себя уникальным. В такой случай психолог мог бы вцепиться зубами. И этот мужчина, без сомнения, раньше обращался к психотерапевту. Эуне посмотрел на сторожа автостоянки, ходившего по улице вразвалочку, как шериф, и задумался о том, кем еще мог бы работать Столе Эуне. Он быстро сделал вывод. Никем другим. Кроме того, он любил психологию, любил маневрировать между областью изученного и неизученного, комбинировать свой тяжелый балласт фактических знаний с интуицией и любопытством. По крайней мере, в этом он убеждал себя каждое утро. Так почему же он сидит здесь и единственное, чего он хочет, – это чтобы пациент заткнулся и навсегда исчез из его кабинета и его жизни? Что было причиной: пациент или работа терапевтом? Изменения начались после того, как Ингрид поставила ему плохо скрытый ультиматум. Ей хотелось, чтобы он меньше работал и больше времени проводил дома с ней и дочерью Авророй. Он перестал заниматься отнимающими много времени исследованиями, отказался от работы консультантом в отделе по расследованию убийств и от чтения лекций в Полицейской академии. Стал настоящим терапевтом с нормированным рабочим днем. Казалось, он правильно расставил приоритеты. Ведь о чем из того, от чего он отказался, стоило бы жалеть? Скучал ли он по составлению психологических портретов больных душ, совершавших такие страшные преступления, что он порой лишался сна, а если ему в конце концов удавалось уснуть, то его будил телефонный звонок от Харри Холле, требовавшего

немедленных ответов на невозможные вопросы? Скучал ли он по тому, как Харри Холле превратил его в подобие себя самого, в изголодавшегося, невыспавшегося, параноидального охотника, который мог обругать любого, кто мешал его работе над тем единственным, что он сам считал важным, и который медленно, но верно отталкивал от себя коллег, родных и друзей?

Да, черт возьми, он скучал по всему этому. По важности работы, которую он делал.

Он скучал по ощущению, что спасает жизни. Раньше он спасал жизни нерационально мыслящим самоубийцам, в беседах с которыми у него иногда возникал вопрос: если жизнь причиняет ему столько боли и мы не можем это изменить, почему бы просто не позволить этому человеку умереть? Он скучал по активности, по возможности вмешаться и спасти невиновных от виновных, сделать то, чего не могли другие, потому что он, Столе Эуне, был лучшим. Вот как просто. Да, он скучал по Харри Холле. Он скучал по телефонным звонкам этого высокого, угрюмого, спившегося мужчины с большим сердцем, который просил или, точнее, приказывал Столе Эуне послужить всеобщему благу, требовал, чтобы он пожертвовал семейной жизнью и ночным сном ради поимки отбросов общества. Но в отделе по расследованию убийств больше не служил старший инспектор Харри Холле, а другие ему и так не звонили. Взгляд Столе снова скользнул по газете. Информация о пресс-конференции. С момента убийства полицейского в Маридалене прошло почти три месяца, а у полиции по-прежнему нет ни ниточки, ни подозреваемого. Именно по такому делу они раньше связались бы с ним. Это убийство произошло на том же месте и в тот же день, что другое, старое нераскрытое убийство. Жертвой стал полицейский, участвовавший в расследовании того, старого дела.

Но это было раньше. Теперь же он слушал рассказы о бессоннице перетрудившегося бизнесмена, который ему не нравился. Скоро Эуне начнет задавать вопросы для снижения посттравматического стресса, хотя мужчина, сидевший перед ним, не был измучен кошмарами, он просто хотел снова поднять до предела свою работоспособность. Потом Эуне даст ему копию статьи «Терапия тренировки воображения» Кракова и... других фамилий он уже не помнил. Попросит его записать свой кошмар на бумаге и принести на следующий сеанс. И тогда они вместе создадут альтернативный, счастливый конец кошмара, который потом, потренировавшись, внедрят в сознание, и его сон либо получит счастливый конец, либо исчезнет совсем.

Эуне слышал ровное, нагоняющее сон гудение голоса пациента и думал, что дело об убийстве в Маридалене с первого дня не продвинулось ни на шаг. Даже после того, как обнаружили бросающиеся в глаза совпадения с делом Сандры – дата, место и человек, – ни Крипос, ни убойный отдел не сдвинулись с мертвой точки. А теперь они призывали людей хорошенько подумать, позвонить и дать им какие-нибудь зацепки, даже кажущиеся незначительными. Об этом говорилось на позавчерашней пресс-конференции. Эуне подозревал, что это все игра на публику, полиции было необходимо продемонстрировать, что она не бездействует и расследование не парализовано. Хотя, конечно, выглядело все именно так: беспомощные, критикуемые со всех сторон руководители следствия бессильно обращаются к публике со словами «посмотрим, можете ли вы предложить что-нибудь получше».

Он посмотрел на фотографию с пресс-конференции. Узнал Беату Лённ. Гуннара Хагена, начальника отдела по расследованию убийств, которому густые волосы, лавровым венком окружающие блестящую лысую макушку, придавали сходство с монахом. И даже Микаэль

Бельман, новый начальник Полицейского управления, присутствовал на пресс-конференции, ведь речь все-таки шла об убийстве одного из его коллег. Лицо его казалось застывшим. Он похудел по сравнению с тем, каким его помнил Эуне. Любимые средствами массовой информации локоны Бельмана, достигавшие максимально приемлемой длины, должно быть, потерялись где-то между кабинетами начальника Крипоса и Оргкрима и офисом шерифа. Эуне подумал о том, что Бельман обладает почти женской красотой, которую подчеркивают длинные ресницы и смуглая кожа в характерных белых пигментных пятнах. Ничего из этого не было видно на фотографии. Нераскрытое убийство полицейского стало, конечно, худшим из того, что могло случиться с новоиспеченным начальником полиции, который сделал быструю карьеру благодаря своим успехам. Он разобрался с наркобандами Осло, но это могли быстро забыть. Пенсионер Эрленд Веннесла, строго говоря, не был убит при исполнении обязанностей, но почти все понимали, что это преступление как-то связано с делом Сандры. Поэтому Бельман мобилизовал всех своих, кто мог двигаться, и привлек внешние ресурсы. Но не его, Столе Эуне. Они вычеркнули его из списков. И это понятно, он ведь сам попросил об этом.

А теперь наступила зима, и вместе с ней пришло ощущение, что снег замел все следы. Холодные следы. Никаких следов. Именно это сказала на пресс-конференции Беата Лённ: удивительное отсутствие улик. Конечно, они проверили всех, кто так или иначе был связан с делом Сандры: подозреваемых, родственников, друзей и даже коллег Веннеслы, работавших над этим делом. Но и это не принесло результатов.

В кабинете стало тихо, и по лицу пациента Столе Эуне понял, что тот только что задал какой-то вопрос и ожидает ответа психолога.

– Хм, – сказал Эуне, оперся подбородком о кулак и посмотрел в глаза собеседнику. – А что вы сами об этом думаете?

Во взгляде пациента появилось беспокойство, и на мгновение Эуне испугался, не попросил ли он стакан воды или что-нибудь в этом духе.

– Что я думаю о том, что она улыбается? Или о ярком свете?

– И о том и о другом.

– Иногда мне кажется, что она улыбается, потому что я ей нравлюсь. А иногда я думаю, что улыбается потому, что хочет, чтобы я что-то сделал. Но когда она перестает улыбаться, в ее глазах гаснет тот яркий свет и ничего узнать уже невозможно: она не хочет больше говорить. Так что я думаю, все дело в усилителе. Или нет?

– Э... в усилителе?

– Да. – Пауза. – О котором я рассказывал. Тот, который папа выключал, входя ко мне в комнату со словами, что эту пластинку я слушаю уже долго и что у любого безумия есть границы. И я сказал, что видел, как маленький красный огонек рядом с кнопкой «выключить» слабел, а затем совсем исчезал. Как глаз. Или закат солнца. В такие моменты я думал, что скучаю по ней. Именно поэтому в конце сна она немеет. Она – это усилитель, затихающий, когда папа его выключает. И потом я не могу с ней разговаривать.

– Вы слушали пластинки и думали о ней?

– Да. Постоянно. До тех пор, пока мне не исполнилось шестнадцать. И не пластинки, а пластинку.

– «Темная сторона Луны»?

– Да.

– Но ей вы были не нужны?

– Не знаю. Судя по всему, нет. Во всяком случае, тогда.

– Хм. Наше время истекло. Я дам вам кое-что прочитать к нашей следующей встрече. И еще я хочу, чтобы мы сочинили новое окончание истории, которая вам снится. Она заговорит. Она что-нибудь вам скажет. Что-нибудь, что вам хотелось бы от нее услышать. Что вы ей нравитесь, например. Можете поразмышлять немного над этим к следующему разу?

– Хорошо.

Бизнесмен поднялся, взял с вешалки пальто и пошел к двери. Эуне сел за письменный стол и посмотрел на расписание приема пациентов на экране монитора компьютера. Оно было почти целиком заполнено, вот тоска-то! Эуне нашел этого пациента в расписании. Пауль Ставнес.

– На следующей неделе в то же время вас устроит, Пауль?

– Да, конечно.

Столе занес его в расписание. Когда он оторвал глаза от компьютера, Ставнеса уже не было в кабинете.

Столе встал, взял газету и подошел к окну. Куда, черт подери, подевалось обещанное глобальное потепление? Он опустил взгляд на газетную страницу, но внезапно не выдержал и отбросил ее в сторону. Газеты писали об этом неделями и месяцами. Уже достаточно. Забит до смерти. Сильные удары по голове. У Эрленда Веннеслы остались жена, дети и внуки. Друзья и коллеги в шоке. «Сердечный и дружелюбный человек». «Его невозможно не любить». «Добрый, порядочный и толерантный, у него не было врагов». Столе Эуне сделал глубокий вдох. «There is no dark side of the moon, not really. Matter of fact, it's all dark».

Он посмотрел на телефон. У них есть его номер. Но телефон молчал. Совсем как та девушка из сна.

Начальник отдела по расследованию убийств Гуннар Хаген провел ладонью по лбу и дальше, по пустынной лагуне посреди волос. Пот, собравшийся на руке, осел на плотном атолле волос на затылке. Перед ним сидела следственная группа. Если бы это было типичное убийство, в нее входило бы человек двенадцать. Но убийство коллеги не являлось типичным, и в зале К-2 не было ни одного свободного стула. Здесь собралось чуть меньше пятидесяти человек. Если считать заболевших, то в группе было пятьдесят три полицейских. Скоро заболевших станет больше – сказывается давление со стороны СМИ. Единственным позитивным моментом в этом деле до сих пор было то, что два крупнейших норвежских подразделения по расследованию особо тяжких преступлений – отдел по расследованию убийств Полицейского управления и Крипос – значительно сблизились. Любое соперничество было забыто, и в первый раз они работали единой группой, ставя перед собой всего одну цель – найти того, кто убил их коллегу. Первые недели группа работала активно и с огоньком, и Хаген был убежден, что дело будет раскрыто очень быстро, несмотря на практически полное отсутствие технических улик, свидетелей, возможных мотивов, возможных подозреваемых и возможных или невозможных зацепок. Просто потому, что желание раскрыть это убийство было колоссальным, сеть состояла из очень мелких ячеек, а ресурсы, предоставленные в распоряжение полиции, были практически безграничными. И все же...

Серые, усталые лица перед ним выражали апатию, которая на протяжении последних недель становилась все очевиднее. А вчерашняя пресс-конференция, ужасно похожая на капитуляцию и мольбу о любой помощи, не способствовала поднятию боевого духа. Сегодня еще двое ушли на больничный, а ведь эти люди не из тех, кто утирает сопливый нос полотенцем. Кроме того, дело Густо Ханссена перешло из разряда раскрытых в разряд нераскрытых, после того как Олега Фёуке выпустили на свободу, а Крис Редди по прозвищу Адидас отказался от своего признания. Да, был один позитивный момент в деле Веннеслы: убийство полицейского настолько затмило убийство наркомана Густо, что пресса ни слова не написала о том, что последнее опять считается нераскрытым.

Хаген посмотрел на бумагу, лежащую перед ним на кафедре. На ней было написано две строчки. И все. Утренняя летучка в две строчки.

Гуннар Хаген прочистил горло:

– Доброе утро, ребята. Большинству из вас уже известно, что после вчерашней пресс-конференции мы получили несколько сообщений. В общей сложности восемьдесят девять, и многие из них уже проверяются.

Ему не было нужды говорить то, что все уже знали: что после трех месяцев работы они полностью исчерпали идеи и что девяносто пять процентов сообщений были бредом собачьим. По любому делу в полицию звонят обычные психи: алкаши, люди, желающие очернить человека, у которого увели девушку, или соседа, который пропустил свою очередь уборки лестницы, шутники или просто люди, которые хотят получить немного внимания, поговорить с кем-нибудь. Под «многими» он имел в виду четыре. Четыре сообщения. И когда он сказал «проверяются», он врал: они уже были проверены. И привели именно туда, где они сейчас находятся, – в никуда.

– У нас сегодня важный гость, – сказал Хаген и тут же понял, что в его словах

присутствующие могли услышать несуществующий сарказм. – Начальник Полицейского управления пришел, чтобы сказать нам несколько слов. Микаэль...

Хаген закрыл бумажную папку, поднял ее и переложил на стол, как будто в ней находилась пачка новых интересных документов по делу, а не один листок формата А4. Он понадеялся, что сгладил впечатление от неудачно произнесенного слова «важный», назвав Бельмана по имени, и кивнул мужчине у двери в конце зала.

Молодой начальник Полицейского управления стоял, прислонившись к стене и сложив на груди руки. Он дождался, когда все повернутся и увидят его, а потом сильным плавным движением оторвался от стены и быстрыми уверенными шагами направился к кафедре. На лице у него играла легкая улыбка, как будто он думал о чем-то веселом, и после того, как Микаэль легко развернулся на каблуках у кафедры, опустил на нее локти, наклонился к сидящим в зале и посмотрел прямо на них, как бы подчеркивая, что собирается говорить без бумажки, Хаген подумал, что после такого выхода ему придется очень постараться, чтобы не разочаровать собравшихся.

– Кое-кто из вас, возможно, знает, что я занимаюсь альпинизмом, – сказал Микаэль. – И когда я просыпаюсь в такой день, как сегодня, смотрю в окно, отмечая нулевую видимость, и слышу по радио сообщения о метели и усилении ветра, я думаю о горе, которую когда-то собирался покорить.

Бельман сделал паузу, и Хаген понял, что неожиданное вступление подействовало: начальник полиции завладел вниманием собравшихся. Надолго ли? Хаген знал, что у уставших членов рабочей группы нулевая восприимчивость к бреду и они не будут предпринимать никаких усилий, чтобы это скрыть. Бельман был слишком молод, слишком недолго просидел на начальственном стуле и слишком быстро очутился в нем, поэтому на дополнительное терпение со стороны собравшихся он мог не рассчитывать.

– Совершенно случайно эта гора носит то же название, что и этот зал. И такое же название, которое кто-то из вас присвоил делу Веннеслы. К-два^[7]. Это хорошее название. Вторая по высоте гора мира. The Savage Mountain^[8]. Самая сложная для восхождения. На четверых альпинистов, покоривших ее, приходится один погибший. Мы хотели взойти по южному склону, который еще называют The Magic Line^[9]. До нас по этому склону прошло всего две группы, и многие приравнивают это восхождение к ритуальному самоубийству. Небольшая перемена погоды и ветра – и вот вы с горой уже окутаны снегом, а температуры доходят до значений, не предназначенных для человеческих тел, во всяком случае кислорода на кубический метр там будет меньше, чем под водой. А поскольку гора эта находится в Гималаях, то все знают, что перемена погоды обязательно случится.

Короткая пауза.

– Так почему же я собрался покорить именно эту вершину?

Еще одна пауза. Длинная, как будто Бельман ждал, что ему кто-то ответит. Та же едва заметная улыбка на губах. Пауза затянулась. Слишком затянулась, подумал Хаген. Полицейские не любят театральные эффекты.

– Потому... – Бельман постучал указательным пальцем по кафедре, – потому, что это самая сложная для восхождения вершина в мире. Как в физическом плане, так и в моральном. Это восхождение ни на секунду не может доставить радости, только тревогу, смертельную усталость, страх, высотную болезнь, кислородное голодание, опасные для жизни приступы паники и еще более опасную апатию. А когда ты добрался до вершины, то тебе уже не до того, чтобы насладиться мигом триумфа, тебе надо только добыть

доказательства, что ты действительно побывал здесь: фотографию или две. И ты не должен обманывать себя, думая, что все самое страшное уже позади, не должен впадать в приятную истому, – напротив, тебе следует поддерживать высочайший уровень концентрации, исполнять все свои обязанности четко, как запрограммированный робот, при этом не переставая оценивать ситуацию. Постоянно оценивать ситуацию. Что с погодой? Какие сигналы подает твое тело? Где мы находимся? Как долго мы здесь находимся? Как дела у других членов команды?

Он отошел на шаг от кафедры.

– Потому что К-два – это сплошные подъем и препятствия. Даже во время спуска. Подъем и препятствия. И именно поэтому мы хотели попробовать взойти.

В зале было тихо. Совершенно тихо. Не было демонстративных зевков или шума переставляемых ног. «О боже, – подумал Хаген, – он завоевал их».

– Два слова, – сказал Бельман. – Не три, всего два. Выносливость и сплоченность. Я хотел включить сюда еще амбициозность, но это слово не так важно, во всяком случае, не настолько важно в сравнении с двумя другими. Вы, конечно, можете спросить, какова польза выносливости и сплоченности, если нет цели, амбиции. Борьба ради борьбы? Честь без награды? Да, отвечу я, борьба ради борьбы. Честь без награды. Когда через несколько лет все еще будут обсуждать дело Веннеслы, то это будут делать из-за препятствий. Из-за того, что оно казалось неразрешимым. Что гора была слишком высокой, погода слишком плохой, воздух слишком разреженным. Что все шло не так. Именно препятствия превратят это дело в легенду, которую еще долго будут рассказывать, собравшись у костра. И как и большинство альпинистов мира не доберутся дальше подножия К-два, так и в полиции можно проработать следователем всю жизнь и ни разу не столкнуться с подобным делом. Вы не думали о том, что, если бы это дело было раскрыто в течение первых недель, через пару лет оно было бы забыто? Ведь что объединяет все легендарные преступления в истории?

Бельман подождал. Кивнул, как будто они дали ему ответ, который он повторил:

– Их расследовали долго. И преодолевали массу препятствий.

Кто-то рядом с Хагеном прошептал:

– Churchill, eat your heart out^[10].

Он обернулся и увидел Беату Лённ, которая стояла рядом с ним, криво усмехаясь.

Он быстро кивнул ей и посмотрел на сидящих в зале. Старый трюк, возможно, но он все еще работает. На том месте, где всего несколько минут назад находилось черное мертвое кострище, Бельману удалось разжечь пламя. Но Хаген знал, что, если результатов по-прежнему не будет, гореть ему недолго.

Три минуты спустя зажигательная речь Бельмана закончилась, и он покинул подиум с широкой улыбкой под аплодисменты собравшихся. Хаген тоже был обязан похлопать. Он боялся возвращаться на трибуну. Потому что шоу сейчас завершится, ведь он должен сообщить, что группу необходимо сократить до тридцати пяти человек. Это приказ Бельмана, но они договорились, что сам он не будет об этом говорить. Хаген вышел вперед, положил перед собой папку, кашлянул, сделал вид, что рвется в ней. Поднял глаза. Снова кашлянул и криво улыбнулся:

– Ladies and gentlemen, Elvis has left the building^[11].

Тишина, никто не смеется.

– Ну ладно, мы должны поговорить о делах. Кое-кого из вас переводят на другие задания.

Мертвая тишина. Занавес.

Когда Микаэль Бельман выходил из лифта в атриуме здания Полицейского управления, краем глаза он заметил человека, заскочившего в соседний лифт. Это что, Трульс? Вряд ли, он еще на карантине после дела Асаева. Бельман вышел из главных дверей и стал пробиваться через снег к ожидавшему его автомобилю. Когда он занял кабинет начальника полиции, ему объяснили, что теоретически ему полагается машина с водителем, но трое его предшественников от нее отказались, поскольку считали, что подадут неверный сигнал, ведь на всех других участках им предстояло проводить сокращения. Бельман пересмотрел эту практику и ясно сказал, что он не позволит таким социал-демократическим мелочам уменьшать эффективность его работы и что гораздо важнее подать стоящим в иерархии намного ниже его сигнал о том, что тяжелый труд и продвижение по службе несут с собой определенную выгоду. Потом начальник отдела по связям с общественностью отвел его в сторону и предложил на возможные вопросы прессы ограничиться ответом об эффективности своей работы и умолчать о выгодах.

– В ратушу, – сказал Бельман, усаживаясь на заднее сиденье автомобиля.

Машина отъехала от обочины, объехала церковь Грэнланна и направилась к зданиям «Плазы» и Почтового управления, которые, несмотря на бурное строительство вокруг здания Оперы, продолжали оставаться доминантами скромной линии горизонта Осло. Но сегодня не было никакой линии горизонта, был только снег, и Бельману пришли в голову три независимые друг от друга мысли. Чертов декабрь. Чертов Веннесла. И чертов Трульс Бернтсен.

Микаэль не разговаривал с Трульсом и не видел его с тех пор, как в начале октября был вынужден отстранить своего друга детства и подчиненного от работы. То есть Микаэлю показалось, что на прошлой неделе он видел Трульса в припаркованной около «Гранд-отеля» машине. К карантину привели регулярные поступления больших сумм наличных на банковский счет Трульса. Когда он не смог или не захотел рассказать об их происхождении, у Микаэля как его начальника не осталось выбора. Сам же Микаэль, конечно, знал, откуда эти деньги: плата за работу сжигателем или за сознательный саботаж, который Трульс проводил для наркокартеля Рудольфа Асаева. Деньги этот идиот клал на свой счет. Единственным утешением было то, что ни деньги, ни Трульс не могли вывести на Микаэля. Только два человека в мире могли поведать о сотрудничестве Микаэля с Асаевым. Одной была член городского совета, его сообщница, а вторым – человек, который лежал в коме в закрытом крыле Национальной больницы и умирал.

Они ехали по Квадратуре. Бельман с восхищением отметил контраст между черной кожей проституток и белыми снежинками, покрывавшими их головы и плечи. Еще он увидел, что на улицах появились новые торговцы наркотиками, заполнившие вакуум, возникший после Асаева.

Трульс Бернтсен. Как рыбка-прилипала с акулой, он провел рядом с Микаэлем все детство, прошедшее в районе Манглеруд. Микаэль обладал мозгами, лидерскими способностями, ораторским искусством, внешностью. Трульс Бернтсен по прозвищу Бивис – бесстрашием, кулаками и почти детской преданностью. Микаэль находил друзей, где бы ни появился. К Трульсу настолько трудно было хорошо относиться, что почти все обходили его стороной. И все же они подружились, Бернтсен и Бельман. В списках их фамилии находились рядом. В школе, а затем в Полицейской академии их вызывали друг за другом,

сначала Бельмана, а сразу за ним Бернтсена. У Микаэля завязался роман с Уллой, но Трульс по-прежнему был рядом, на два шага позади. Шли годы, и Трульс начал отставать, он не обладал врожденной способностью Микаэля к росту как в карьере, так и в личной жизни. Обычно Трульсом было легко управлять, и его запросто можно было просчитать. Как правило, он прыгал, как только Микаэль командовал: «Ап!» Но иногда в его взгляде появлялся мрак, и тогда Трульс превращался в человека, которого Микаэль совершенно не знал. Как в тот раз с задержанным мальчишкой, которого Трульс дубинкой избил до слепоты. Или с тем парнем из Крипоса, который оказался голубым и пытался приставать к Микаэлю. Это произошло на глазах у коллег, поэтому Микаэль должен был что-то предпринять, чтобы показать, что такого он не допустит. Поэтому они с Трульсом поехали домой к этому парню, заманили его в гараж, и Трульс избил его дубинкой. Сначала он контролировал себя, но потом на него накатила ярость, мрак наполнил его взгляд, и широко раскрытые черные глаза стали походить на глаза человека, пребывающего в шоке. Микаэлю пришлось остановить его, чтобы Трульс не забил парня до смерти. Конечно, Трульс был ему предан. Но в то же время он был совершенно непредсказуемым, и именно это беспокоило Микаэля Бельмана. Когда Микаэль рассказал ему, что комиссия по кадрам решила устранить его до выяснения источника поступления денежных средств на его счет, Трульс только повторил, что это его личное дело, пожал плечами, как будто ему было все равно, и ушел. Словно Трульсу Бернтсену было куда идти, словно у него была жизнь, кроме работы. И Микаэль увидел мрак в его глазах. Это как когда поджигаешь фитиль, видишь, как огонек убегает в темную шахту, а потом ничего не происходит. Но ты не знаешь почему: то ли фитиль длинный, то ли огонек погас, а ты напряженно ждешь, и внутренний голос говорит, что чем дольше ты ждешь, тем сильнее рванет.

Машина подъехала к тыльной стороне ратуши. Микаэль вылез из нее и стал подниматься по ступенькам ко входу. Некоторые утверждают, что, по мысли архитекторов Арнеберга и Поульсона, создавших проект ратуши в 1920-х годах, именно здесь должен был располагаться главный вход, но чертеж по нелепой случайности перевернули вверх ногами. И когда в 40-е годы ошибка обнаружилась, здание было уже почти построено, поэтому все сделали вид, что ничего не случилось, и понадеялись, что пассажиры кораблей, подходящих к норвежской столице со стороны Осло-фьорда, не догадаются, что их встречает вход на кухню ратуши.

Итальянские кожаные подошвы мягко стучали по каменному полу, когда Микаэль Бельман шел к стойке администратора, из-за которой ему ослепительно улыбалась дежурная:

– Здравствуйте, господин начальник Полицейского управления. Вас ожидают. Десятый этаж, налево по коридору.

Поднимаясь вверх, Бельман внимательно рассмотрел себя в зеркале лифта. Он подумал, что это относится к нему в полной мере: он поднимается вверх. Несмотря на это убийство. Он поправил шелковый галстук, который Улла купила ему в Барселоне. Двойной виндзорский узел. В старших классах школы он научил Трульса завязывать галстук. Но простым, тонким узлом. Дверь в конце коридора была приоткрыта. Микаэль открыл ее.

Кабинет был пуст. Письменный стол убран, полки очищены, а на обоях на месте когда-то висевших картин виднелись светлые пятна. Она сидела на подоконнике. Лицо ее было красиво той традиционной красотой, о которой женщины обычно говорят «миленькая». Несмотря на кукольные блондинистые волосы, убранные в смешные локоны, ее облику недоставало прелести и очарования. Она была высокой женщиной атлетического телосложения, с широкими плечами и широкими бедрами, по случаю встречи с ним

втиснутая в узкую кожаную юбку. Она сидела, скрестив ноги. Мужские черты ее лица, выдающийся орлиный нос и пара голубых холодных волчьих глаз в сочетании с самоуверенным, вызывающим, похотливым взглядом при первой встрече заставили Бельмана сделать ряд скорых выводов. Что Исабелла Скёйен – инициативная, готовая рискнуть пантера.

– Запри дверь, – сказала она.

Он не ошибся тогда.

Микаэль закрыл за собой дверь и повернул ключ в замке. Подошел к другому окну. Ратуша возвышалась над скромными четырех– и пятиэтажными домами. На другой стороне Ратушной площади на высоком земляном валу величественно располагалась семисотлетняя крепость Акерсхус. Ее старинные, поврежденные в боях пушки были направлены в сторону Осло-фьорда, воды которого под порывами ледяного ветра, казалось, покрыла гусиная кожа. Снег прекратился, и город под свинцово-серым небом купался в синем свете, похожем, по мнению Бельмана, на цвет кожи трупа. Слова Исабеллы эхом отскакивали от стен пустого кабинета:

– Ну, дорогой, что скажешь по поводу вида?

– Неплохо. Если я не ошибаюсь, кабинет прошлого члена городского совета, отвечавшего за социальную политику, был меньше по размеру и располагался ниже.

– Я говорю не о том виде, – сказала она, – а об этом.

Он повернулся и посмотрел на нее. Новоиспеченный член городского совета Осло по вопросам социального обеспечения и профилактики различных зависимостей развела ноги. Трусики валялись на подоконнике рядом с ней. Исабелла неоднократно повторяла, что никогда не понимала, в чем привлекательность чисто выбритого лобка, но, глядя на раскинувшиеся перед ним заросли, Микаэль подумал, что должен существовать какой-то третий вариант, и повторил оценку увиденного. Очень даже неплохо.

Она с силой опустила ноги на пол и подошла к нему. Стряхнула невидимую пылинку с его рукава. Даже без шпилек она была бы на сантиметр выше его, а сейчас возвышалась на целую голову, что, на его взгляд, совсем не способствовало созданию интимной обстановки. Наоборот, ее физические размеры и сила личности бросали ему любопытный вызов. С ней ему приходилось быть более мужественным, чем с мягкой и покорной малышкой Уллой.

– Я полагаю, будет совершенно справедливо, если ты обновишь мой кабинет. Без твоего... желания сотрудничать я бы не получила эту должность.

– И наоборот, – подхватил Микаэль Бельман.

Он втянул в себя запах ее духов. Знакомый аромат. Такие духи у... Уллы? Те духи от Тома Форда, как же они называются? «Черная орхидея». Ему приходилось возить их из Парижа и Лондона, потому что в Норвегии они не продавались. Совпадение казалось почти невероятным.

Ее глаза засмеялись, когда она заметила удивление на его лице. Исабелла сплела руки в замок у него на затылке и, хохоча, откинулась назад.

– Извини, я просто не могла не поддаться соблазну.

Черт, конечно же, после празднования новоселья в их новом доме Улла жаловалась на пропажу флакона духов. Сказала, что его умыкнула одна из знаменитостей, приглашенных на праздник. Он же был уверен, что это сделал один из местных манглерудцев, а именно Трульс Бернтсен. Конечно же, Микаэлю было известно, что Трульс с юности был безумно влюблен в Уллу. Однако он ни разу не дал понять, что знает об этом, ни ей, ни Трульсу. И ничего не

сказал по поводу флакона духов. Пусть уж лучше Трульс ворует духи Уллы, а не ее труссы.

– Ты никогда не думала, что это твоя главная проблема – невозможность устоять перед соблазном?

Исабелла тихо рассмеялась и закрыла глаза. Длинные полные пальцы расцепились, скользнули вниз по его позвоночнику и залезли под ремень. Она бросила на него взгляд, полный легкого разочарования:

– Что с тобой, мой бычок?

– Врачи говорят, что он не хочет умирать, – сказал Микаэль. – Последние новости: он подает признаки выхода из комы.

– Какие именно? Он шевелится?

– Нет, но они увидели изменения на электроэнцефалограмме и начали нейрофизиологические тесты.

– И что? – прошептали ее губы, приблизившиеся вплотную к его лицу. – Ты его боишься?

– Я боюсь не его, а того, что он может рассказать. О нас.

– Зачем ему совершать такую глупость? Он один, он ничего от этого не выигрывает.

– Скажу так, дорогая, – произнес Микаэль, отводя в сторону ее руку. – Мысль о том, что где-то там находится человек, который может засвидетельствовать, что мы с тобой сотрудничали с наркобароном ради продвижения по службе...

– Послушай, – сказала Исабелла. – Мы просто осторожно вмешались, чтобы не позволить рынку править этим городом в одиночку. Это хорошая испытанная политика Рабочей партии, дорогой. Мы позволили Асаеву получить монополию на торговлю наркотиками и арестовали всех остальных наркодельцов, поскольку от наркотика Асаева умирает меньше людей. Все остальное было бы плохой политикой борьбы с наркотиками.

Микаэль не мог не улыбнуться:

– Слышу, ты отшлифовала риторику на курсах по участию в дебатах.

– Сменил тему, дорогой? – Она схватила его рукой за галстук.

– Ты понимаешь, как это будет представлено в суде? Я получил должность начальника полиции, а ты – кресло члена городского совета потому, что у общественности сложилось впечатление, что мы лично очистили улицы Осло и снизили смертность среди наркоманов. Хотя в действительности мы позволили Асаеву уничтожить доказательства, убить конкурентов и торговать наркотиком сильнее героина, который вызывает привыкание в четыре раза быстрее.

– Мм. Я возбуждаюсь, когда ты так говоришь...

Она притянула его к себе. Язык Исабеллы оказался у него во рту, и, когда она терлась своим бедром о его тело, он отчетливо слышал звук скольжения ее колготок. Она пятилась к письменному столу и тащила его за собой.

– Если он там, в больнице, очнется и начнет болтать...

– Заткнись. Я вызвала тебя сюда не для разговоров. – Ее пальцы принялись за пряжку его ремня.

– У нас есть проблема, требующая решения, Исабелла.

– Я понимаю, но теперь, когда ты стал начальником полиции, ты попал в мир, где надо уметь расставлять приоритеты. А в настоящий момент для твоего городского совета приоритетно *это*.

Микаэль остановил ее руку.

Она вздохнула:

- Ладно. Давай рассказывай, что ты задумал.
- Надо создать угрозу его жизни. Очень достоверно.
- А зачем угрожать? Почему сразу не лишить его жизни?

Микаэль рассмеялся и не мог остановиться до тех пор, пока не понял, что она говорит серьезно. И что ей даже не потребовалось времени на раздумья.

– Потому что... – начал Микаэль твердо, не отводя от нее глаз, пытаясь быть тем же величественным Микаэлем Бельманом, каким предстал перед следственной группой полчаса назад.

Он старался придумать ответ, но она его опередила:

– Потому что тебе слабу. Давай посмотрим, что там написано в «Желтых страницах» в разделе «Активная помощь в расставании с жизнью». Ты прикажешь отменить полицейскую охрану, сославшись, ну, на неверное использование ресурсов или что-нибудь в том же духе, а потом к пациенту неожиданно наведаются «Желтые страницы». Я имею в виду, неожиданно для него. Или нет, ты можешь отправить свою тень. Бивиса. Трульса Бернтсена. За деньги он сделает все, разве не так?

Микаэль в изумлении покачал головой:

– Во-первых, охрану выставил начальник убойного отдела Гуннар Хаген. Если бы пациент умер сразу после того, как я отменил приказ Хагена, я выглядел бы, мягко говоря, плохо. А во-вторых, мы не будем никого убивать.

– Послушай-ка, дорогой. Никто из политиков не лучше своих советников. Поэтому для того, чтобы достичь вершины, им необходимо окружать себя людьми умнее их. Я начинаю сомневаться в том, что ты умнее меня. Прежде всего, ты не можешь поймать этого убийцу полицейского. А теперь еще не знаешь, как решить вопрос с человеком, лежащим в коме. И когда в придачу ты отказываешься меня трахнуть, я должна спросить себя: «А для чего он мне нужен?» Можешь ответить на этот вопрос?

– Исабелла...

– Считаю, ты ответил отрицательно. Так что слушай меня, мы поступим так...

Он мог только восторгаться ею. Было в ней что-то контролируемое, холодно-профессиональное и одновременно рискованное и непредсказуемое, из-за чего коллеги в ее присутствии предпочитали сидеть на краешке стула. Они не понимали, что создание ощущения неуверенности – часть игры Исабеллы Скёйен. Она была из тех, кому за короткое время удавалось прыгнуть дальше и выше остальных, из тех, кто в случае падения падал ниже и хуже других. Микаэль Бельман не просто узнавал в Исабелле Скёйен себя – она была утрированной копией его самого. А самым интересным было то, что вместо того, чтобы увлечь его за собой, она заставляла его становиться более осторожным.

– Пока пациент не очнулся, мы ничего не будем предпринимать, – сказала Исабелла. – Я знаю одного анестезиолога из Энебакка. Очень подозрительный тип. Он снабжает меня таблетками, которые я, будучи политиком, не могу купить на улице. Он, как и Бивис, за деньги сделает почти все. И что угодно за секс. Кстати...

Она уселась на край письменного стола, подняла и развела в стороны ноги и расстегнула пуговицы на его брюках одним легким движением. Микаэль крепко схватил ее за запястья:

– Исабелла, давай дождемся среды в «Гранд-отеле».

– Давай не будем дожидаться среды в «Гранде».

– Нет, я голосую за то, чтобы подождать.

– Вот как? – произнесла она, вырвала руки из захвата, снова расстегнула его брюки и

заглянула в них. Голос ее прозвучал низко: – Подсчет голосов показывает: двое против одного, дорогой.

Стемнело, похолодало, и лик бледной луны только показался в мальчишеской комнате Стиана Барелли, как снизу донесся голос матери:

– Это тебя, сынок!

Стиан слышал, как звонит их стационарный телефон, и надеялся, что звонят не ему. Он отложил в сторону пульт от «Нинтендо». Он уже набрал двенадцать очков, ему оставалось пройти всего три лунки, иными словами, он шел очень хорошо и вот-вот должен был перейти на уровень мастера. Стиан играл за Рика Фаулера^[12], поскольку он единственный из «Мастеров Тайгера Вудса» был крутым и почти его ровесником – двадцать один год. Им обоим нравились Эминем и «Rise Against»^[13], оба любили оранжевый цвет. У Рика Фаулера, естественно, были деньги на покупку собственного жилья, а вот Стиан все еще жил в своей детской. Но это временно, пока он не получит стипендию для учебы в том университете на Аляске. Все более или менее пристойные норвежские горнолыжники зачислялись туда по результатам скандинавского юношеского чемпионата... или как-то так. Проблема заключалась в том, что никто из уехавших туда не повысил свою горнолыжную квалификацию, но кого это волнует? Девочки, вино и лыжи. Что может быть лучше? Возможно, он даже сдаст выпускной экзамен, если время будет. И получит диплом, который поможет ему получить приличную работу. И заработать на собственное жилье. И зажить жизнью гораздо лучше той, в которой он спит на короткой кровати под фотографиями Боуда Миллера^[14] и Аксея Люнда Свиндаля^[15], ест мамины котлеты, следует папиным правилам и тренирует нахальных сопляков, обладающих, по мнению их ослепленных родителей, талантами Омудта или Кьюса^[16]. К тому же еще эта работа смотрителем подъемника в Триваннскейве, за что он получает такие почасовые, которые стыдно было бы предложить за детский труд индийскому ребенку. И Стиан знал, что сейчас ему звонит председатель Горнолыжного клуба. Он был единственным из известных Стиану людей, кто предпочитал не звонить на мобильные, потому что это стоит чуть-чуть дороже, а заставлял людей носиться по лестницам в тех доисторических пещерах, где еще сохранились стационарные телефоны.

Стиан взял телефонную трубку, протянутую мамой.

– Да?

– Привет, Стиан. Это Баккен. – Так его и звали. – Мне позвонили и сообщили, что заработал подъемник «Клейвахейсен».

– Сейчас? – спросил Стиан, посмотрев на часы.

Четверть двенадцатого. Подъемники прекращали работать в девять.

– Ты можешь подъехать и посмотреть, что там творится?

– Сейчас?!

– Ну если ты, конечно, не слишком занят.

Стиан сделал вид, что не заметил иронии в голосе председателя. Он знал, что провел два не слишком удачных сезона и что председатель считает, это вышло не из-за отсутствия таланта, а из-за переизбытка времени, которое Стиан изо всех сил старался заполнить ленью, физическим упадком и полным бездельем.

– У меня нет машины, – ответил Стиан.

– Можешь взять мою, – быстро сказала мама.

Она никуда не ушла и стояла рядом с ним, сложив на груди руки.

– Прости, Стиан, я все слышал, – сухо произнес председатель. – Наверняка туда вломился кто-нибудь из хемингских хулиганов и думает, что это смешно.

Поездка по извилистой дороге до башни Триванн заняла у Стиана десять минут. Телебашня походила на стовосемнадцатиметровое копьё, воткнутое в землю на вершине горы на северо-западе Осло.

Стиан оставил машину на занесенной снегом парковке и отметил, что, кроме его автомобиля, там находится еще красный «гольф». Он снял лыжи с багажника на машине, надел их, промчался мимо главного клубного здания и направился в сторону высшей точки лыжной трассы, где находился механизм подъемника «Триванн экспресс». Оттуда ему были видны располагавшиеся ниже озеро и меньший по размерам подъемник «Клейвахейсен», таскавший Т-образные сиденья. Несмотря на лунный свет, было слишком темно, и Стиан не видел, двигаются ли сиденья, но он кое-что слышал. Слышал, как внизу гудит двигатель.

Стиан направился в сторону механизма, лениво выписывая по склону длинные дуги и удивляясь, как же здесь, наверху, тихо ночью. Казалось, первый час после закрытия трассы все еще был наполнен эхом криков напуганных детей, взвизгиваниями притворно ужасающихся девушек, ударами стали по замерзшему снегу и льду, тестостероновыми воплями юношей, пытающихся привлечь к себе внимание. Даже когда выключали освещение, свет еще какое-то время не пропадал. Но постепенно все звуки стихали. Становилось темнее. И еще тише. Постепенно тишина наполняла все углубления ландшафта, а из леса выползала полная тьма. И тогда можно было подумать, что Триванн превращается в совершенно иное место, в место, которое даже для Стиана, знавшего здесь каждую кочку, было таким незнакомым, что вполне могло располагаться на другой планете. На холодной, темной, пустынной планете.

Из-за недостатка освещения ему приходилось катиться очень осторожно, пытаясь предугадать, как снег и неровности поверхности поведут себя под лыжами. Но именно это и было его главным талантом, благодаря которому он лучше всего проявлял себя в условиях плохой видимости, снегопада, тумана, бьющего в глаза солнца: он чувствовал то, чего не мог видеть. Он обладал той проницательностью, какой обладают некоторые лыжники, а другие – большинство – не обладают. Он ласкал снег, ехал медленно, чтобы продлить удовольствие. Но вот наконец он спустился с горы и приблизился к механизму подъемника.

Дверь была взломана.

На снегу валялись щепки, перед ним зияла черная пасть двери. И только тогда Стиану пришло в голову, что он здесь один. Что сейчас полночь и что он находится в совершенно пустынном месте, где только что было совершено преступление. Скорее всего, просто хулиганская выходка, но все же. Он не мог быть абсолютно уверен в этом. В том, что это действительно хулиганская выходка. Что он действительно здесь один.

– Эй, там! – прокричал Стиан в сторону гудящего двигателя и скрипящих сидений, приехавших и отъезжавших по низко гудящему стальному тросу у него над головой.

И тут же пожалел. Его крик эхом отразился от горного склона, и он услышал звуки собственного страха. Потому что он боялся. Потому что мысли его не остановились на «преступлении» и «один», а помчались дальше, к той старой истории. Он не задумывался о ней при свете дня, но иногда, когда у него было вечернее дежурство, а лыжников почти не было, она выползала из леса вместе с тьмой. Это случилось в несезон, одной летней ночью в

конце девяностых. Девочку наверняка опоили где-то в центре и привезли сюда в наручниках и надвинутом на глаза капюшоне, затем притащили от парковки вверх и изнасиловали в машинном зале, взломав дверь. Стиан слышал, что пятнадцатилетняя девчонка была такой маленькой и худенькой, что если она была без сознания, то насильник или насильники легко могли донести ее от парковки на руках. Хотелось бы надеяться, что она все это время была без сознания. Но Стиан слышал еще, что девочку прибили к стене двумя огромными гвоздями за плечи под ключицами, чтобы он или они могли насиловать ее стоя, почти не соприкасаясь телом со стенами, полом и девочкой. И что поэтому полиция не нашла ни следов ДНК, ни отпечатков пальцев, ни волокон одежды. Но может статься, это неправда. А вот что он точно знал, так это то, что девочку нашли в трех местах: на дне озера Триванн обнаружили торс и голову, а в лесу у трассы Виллерлэйпа – половину нижней части тела. Вторую половину нашли на берегу озера Ауртьерн. И именно из-за того, что две последние части тела были найдены на очень большом расстоянии друг от друга и в разных сторонах от места преступления, полиция считала, что преступников было двое. Но, кроме версий, у полиции больше ничего не было. Преступников – если они были мужчинами, ведь следов семени, которые могли бы это подтвердить, обнаружено не было, – так и не поймали. Но председатель и другие шутники с удовольствием рассказывали молодым членам клуба перед их первым вечерним дежурством на трассе Триванн, что, по слухам, в тихие ночи из лыжного сарая доносятся разные звуки. Жуткий крик, заглушающий все остальное. И звук вбиваемых в дерево гвоздей.

Стиан отстегнул ботинки от лыж и направился к двери. Немного сгибая колени и прижимая пятки к задней части ботинок, он пытался игнорировать учатившийся пульс.

Господи, и что же он ожидал увидеть? Кровищу и грязищу? Призраков?

Стиан просунул руку в дверной проем, нашел выключатель и повернул его.

И уставился в освещенное помещение.

На неокрашенной деревянной стене на гвозде висела девушка. Она была почти голой, только желтое бикини прикрывало так называемые стратегические части ее загорелого тела. На дворе стоял декабрь, а календарь был прошлогодним. Одним тишайшим вечером несколько недель назад Стиан онанировал перед этой фотографией. Она была довольно сексуальной, но больше всего Стиана возбуждали девушки, двигавшиеся мимо будки к подъемнику. Его возбуждало, что он сидел, держа в руке твердый член, на расстоянии всего полуметра от них. Особенно хороши были девушки, ехавшие на подъемнике в одиночестве: они помещали твердую штангу между ногами, а потом сжимали ее бедрами. А сиденья подъемника приподнимали их ягодицы. Спины их выгибались, когда натянутая между канатом и сиденьем пружина сжималась и увозила их от него, из его поля зрения, на верхнюю точку трассы.

Стиан вошел в будку. Вне всякого сомнения, здесь кто-то побывал. Пластмассовый переключатель, которым приводился в движение механизм подъемника, был сломан. Две его половинки валялись на полу, а из приборной доски торчал только металлический штырь. Стиан взялся за холодный штырь большим и указательным пальцем и попытался его повернуть, но тот просто выскользнул из руки. Он подошел к маленькому электрощитку в углу помещения. Металлическая дверца была заперта, а ключа, обычно висевшего на веревочке на стене рядом со щитком, не было. Странно. Стиан вернулся к приборной доске и попытался оторвать пластмассовые ручки от переключателей света и музыки, но вскоре понял, что может только поломать их, потому что они были прочно приклеены или

припаяны к штырям. Ему нужно было чем-то плотно обхватить металлический штырь, плоскогубцами или чем-то подобным. Когда Стиан выдвигал ящик из стоявшего у окна стола, у него появилось предчувствие. Такое же предчувствие, какое он испытывал, катясь в темноте по горному склону. Он *чувствовал* то, чего не мог видеть, – что там, в темноте, кто-то стоит и смотрит на него.

Он поднял глаза.

И увидел лицо с огромными, широко открытыми глазами.

Свое собственное лицо, свои собственные полные ужаса глаза в двойном зеркальном отражении в оконном стекле.

Стиан вздохнул с облегчением. Черт, как же легко его напугать!

Но потом, когда сердце его снова начало биться и он опустил взгляд в ящик стола, ему показалось, что глаз его зафиксировал движение снаружи – лицо, оторвавшееся от окна и удалившееся вправо, прочь из его поля зрения. Стиан снова поднял глаза. Он по-прежнему видел только собственное отражение. Но не двойное, как в прошлый раз. Или все-таки двойное?

У Стиана всегда была слишком буйная фантазия. Именно так сказали Мариус и Хелла, когда он поведал им, что возбуждается от мыслей об изнасилованной девушке. Не оттого, что ее изнасиловали и убили, естественно. Скорее, от мыслей об изнасиловании вообще. Но прежде всего он думал о том, что она была очень красивой, красивой и изящной, так сказать. Что она была здесь, в будке, голая, с членом во влагище, и это... да, мысли об этом возбуждали его. Мариус обозвал его «бо-о-ольным», а кретин Хелла начал, естественно, сплетничать, и когда к Стиану вернулись эти сплетни, в них утверждалось, что Стиан был не прочь поучаствовать в том изнасиловании. «Вот тебе и друг», – подумал Стиан, копаясь в ящике. Карточка для подъемника, печать, подушечка для печати, ручки, скотч, ножницы, финский нож, пачка квитанций, шурупы, муфты... Черт! Он полез в следующий ящик. Ни плоскогубцев, ни ключа. И вдруг до него дошло, что ему надо всего лишь найти стойку с кнопкой экстренной остановки подъемника, которую они обычно устанавливали в снегу перед будкой, чтобы в случае возникновения опасности дежурный мог быстро остановить подъемник, нажав на красную кнопку на стойке. И ею постоянно пользовались: то ребенка ударит сиденьем по голове, то новичок шлепнется с сиденья, откинувшись назад, но успев при этом крепко уцепиться за канат, и его потащит вверх вместе с подъемником. Или какой-нибудь идиот решит выпендриться и зацепится коленом за штангу, чтобы успеть быстро пописать, пока подъемник будет ехать над лесом.

Стиан пошарил по шкафам. Метровая металлическая стойка, похожая на лом, заостренная с одного конца, чтобы ее можно было легко вонзить в слежавшийся заледенелый снег, должна была стоять на видном месте. Стиан отодвинул потерянные кем-то варежки, шапки и лыжные очки. Следующий шкафчик – пожарный щит. Поломойные ведра и тряпки. Оборудование для оказания первой помощи. Карманный фонарик. А вот стойки нет.

Конечно, они могли забыть занести стойку в будку перед тем, как запереть ее в конце рабочего дня.

Он взял фонарик, вышел на улицу и обошел вокруг будки.

Стойки нигде не было. Черт, ее что, сперли? А карточки для подъемника оставили? Стиану почудились какие-то звуки, он обернулся к опушке леса и направил луч фонарика на деревья.

Птица? Белка? Случалось, сюда забредали лоси, но они не прятались от людей. Только

бы ему удалось вырубить этот чертов подъемник, тогда он слышал бы намного лучше.

Стиан снова зашел в будку, отметив, что в помещении чувствует себя гораздо комфортнее. Он поднял с пола два обломка пластмассовой ручки, захватил ими металлический штырь и попробовал повернуть, но обломки просто разъехались.

Он посмотрел на часы. Скоро полночь. Ему очень хотелось доиграть партию в гольф-клубе «Августа» до того, как лечь спать. Он подумал, не позвонить ли председателю. Черт, всего-то и требовалось, что повернуть металлический штырь на пол-оборота!

Голова его автоматически откинулась назад, а сердце перестало биться.

Все произошло так быстро, что он не был уверен, видел ли он это на самом деле. Но что бы это ни было, это был не лось. Стиан стал набирать фамилию председателя, но у него так тряслись руки, что он несколько раз ошибся, прежде чем выбрал правильный номер.

– Да?

– Это Стиан. Кто-то вскрыл будку и разломал переключатель, а стойки для кнопки экстренной остановки нигде нет. Мне не отключить подъемник.

– Электроцит...

– Заперт, и ключа нет.

Председатель тихо выругался и расстроено вздохнул:

– Оставайся там, я еду.

– Прихватите плоскогубцы или что-нибудь такое.

– Плоскогубцы и что-нибудь такое, – повторил председатель, не скрывая презрения.

Стиан уже давно заметил, что уважение председателя было прямо пропорционально показанным спортивным результатам. Он засунул телефон в карман и снова выглянул во тьму. И его осенило, что, пока в будке горит свет, он прекрасно виден всем, кто находится снаружи. Стиан поднялся, хлопнул дверь и погасил свет. Подождал. Кабинки подъемника с пустыми сиденьями, спускавшиеся вниз у него над головой, казалось, ускорились, заворачивая, и вновь начинали путь вверх.

Стиан поморгал.

Почему он не подумал об этом раньше?

Он повернул все переключатели на приборной доске. И одновременно с тем, как свет залил горный склон, из громкоговорителей полилась песня Джея Зи «Empire State of Mind» и наполнила всю долину. Вот так, теперь здесь стало намного уютнее.

Стиан побарабанил пальцами, снова взглянув на металлический штырь. На конце штыря имелось отверстие. Стиан встал, снял веревку со стены у электроцита, сложил ее пополам, просунул в отверстие, обернул вокруг штыря и тихонько потянул. На самом деле так что-нибудь могло получиться. Он потянул сильнее. Веревка выдержала. Еще сильнее. Штырь начал двигаться. Он вздрогнул.

Звук двигателя замер, издав предсмертный стон, перешедший в визг.

– There, motherfucker!^[17] – прокричал Стиан.

Он наклонился к телефону, чтобы позвонить председателю и доложить о выполнении задания, но тут сообразил, что тому вряд ли понравится орущий на полную мощность посреди ночи рэп, и выключил музыку.

Стиан слушал телефонные гудки, потому что больше в данный момент он ничего не слышал из-за внезапно наступившей тишины. Отвечай же! И вот опять. Опять это ощущение. Ощущение, что здесь есть кто-то еще. Что кто-то на него смотрит.

Стиан Барелли медленно поднял глаза.

И почувствовал, как от затылка по всему телу начинает разливаться холод, словно он окаменел, словно посмотрел в глаза Медузе. Но это была не она. Это был мужчина в длинном черном кожаном пальто с неестественно широко открытыми глазами и вампирским ртом, из обоих уголков которого текли ручейки крови. А еще казалось, что он парит над поверхностью земли.

– Да? Алло? Стиан? Это ты? Стиан?

Но Стиан не отвечал. Он вскочил, перевернув стул, попятился и прижался спиной к стене, сорвав с гвоздя «мисс декабрь», и она упала на пол.

Он нашел стойку аварийного отключения подъемника. Она торчала изо рта мужчины, висевшего на перекладине одного из сидений.

– Значит, он круг за кругом катался на лыжном подъемнике? – спросил Гуннар Хаген, склонил голову набок и внимательно осмотрел труп, висевший перед ним.

В форме тела было что-то неестественное, как будто восковая статуя таяла и вот-вот должна была растечься по земле.

– Так сказал мальчишка, – ответила Беата Лённ.

Она потопала ногами по снегу и посмотрела на освещенную трассу, на которой ее одетые в белое коллеги почти сливались со снегом.

– Нашли следы? – спросил начальник отдела таким тоном, будто ответ был ему уже известен.

– Множество, – сказала Беата. – Кровавый след тянется на четыреста метров вверх, к верхней точке подъемника, и на четыреста метров вниз, сюда.

– Я имею в виду менее очевидные следы.

– Следы на снегу, ведущие от парковки по тропинке прямо сюда, – ответила Беата. – Рисунок подошв идентичен рисунку на ботинках жертвы.

– Он пришел сюда в ботинках?!

– Да. И пришел один, здесь есть только его следы. На парковке стоит красный «гольф», мы проверяем, кому он принадлежит.

– Никаких следов преступника?

– Что скажешь, Бьёрн? – спросила Беата, повернувшись к Хольму, который шел к ним с рулоном ленты полицейского оцепления в руках.

– Не-а, пока нет, – произнес он запыхавшимся голосом. – Других следов ног нет. Но много следов лыж, понятное дело. Пока никаких видимых отпечатков пальцев, волос или волокон одежды. Может, найдем чего на зубочистке. – Он указал на стойку, торчащую изо рта убитого. – Ну, еще будем надеяться, что патологоанатомы что-нибудь отыщут.

Гуннар Хаген поежился:

– Вы говорите так, будто уже не рассчитываете найти следы.

– Ну, – произнесла Беата Лённ, и это «ну» Хагену было знакомо: так Харри Холле обычно предварял плохие новости. – На предыдущем месте преступления мы тоже не нашли ни ДНК, ни отпечатков пальцев.

Хаген не знал, от чего он содрогнулся: то ли от холода, то ли оттого, что приехал сюда прямо из теплой постели, то ли от слов, только что произнесенных его главным криминалистом.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он твердым голосом.

– Я хочу сказать, что знаю, кто это, – ответила Беата.

– Мне кажется, ты говорила, что не нашла документов убитого.

– Да. И я не сразу его узнала.

– Ты? Мне казалось, ты никогда не забываешь лиц?

– Fusiform gyrus^[18] может запутаться, если обе скулы повреждены. Но это Бертиль Нильсен.

– Кто это?

– Именно поэтому я тебе и позвонила. Он... – Беата Лённ глубоко вдохнула.

«Не надо, не говори», – подумал Хаген.

– Полицейский, – закончил за Беату Бьёрн Хольм.

– Работал полицейским в Недре-Эйкере, – сказала Беата. – Было одно убийство как раз перед тем, как ты пришел в отдел по расследованию убийств. Нильсен связался с Крипосом, чтобы поделиться своими выводами: он считал, что то дело было очень похоже на изнасилование, которое он расследовал в Крукстадельве, и предлагал приехать в Осло и оказать помощь в расследовании.

– И?

– Дал маху. Он приехал, и все дело тихо застопорилось. Убийца или убийцы так и не были найдены.

Хаген кивнул:

– Где...

– Здесь, – сказала Беата. – Изнасилована в будке и расчленена. Одну часть тела нашли в местном озере, другую – в километре к югу, третью – в семи километрах в противоположном направлении, у Ауртьерна. Поэтому родилось предположение, что убийц было несколько.

– Точно. И это произошло...

– ...именно сегодня.

– Сколько...

– Девять лет назад.

Затрещала переносная рация. Хаген увидел, как Бьёрн Хольм приложил ее к уху, что-то тихо сказал и снова опустил:

– «Гольф» на парковке зарегистрирован на некую Миру Нильсен. Проживает по тому же адресу, что и Бертиль Нильсен. Стало быть, жена.

Хаген выдохнул со стоном, и пар изо рта окутал его белым флагом.

– Я должен доложить начальнику Полицейского управления, – сказал он. – И помалкивай про убийство той девчонки.

– Пресса раскопает.

– Знаю. Но я собираюсь посоветовать начальнику полиции пока оставить спекуляции на эту тему на совести прессы.

– Мудро, – одобрила Беата.

Он быстро улыбнулся ей, поблагодарив за крайне необходимую поддержку. Затем посмотрел на горный склон и парковку, оценив, какой путь ему необходимо проделать. Поднял глаза на труп и снова поежился:

– Знаешь, о ком я думаю, когда вижу такого высокого худого мужчину?

– Да, – ответила Беата Лённ.

– Хотел бы я, чтобы он сейчас был с нами.

– Да не был он тощим дылдой, – вмешался Бьёрн Хольм.

Двое собеседников повернулись к нему.

– Разве Харри...

– Я говорю об этом парне, – ответил Хольм, кивнув на тело, свисающее с подъемника. –

О Нильсене. Он стал дылдой за эту ночь. Если вы потрогаете его тело, то почувствуете, что оно имеет консистенцию желе. Я уже видал подобное: так бывает, когда человек падает с огромной высоты и ломает себе все кости. А если скелет переломан, то мясу не к чему прицепиться и оно скользит, поддаваясь силе притяжения, пока rigor mortis^[19] не остановит это движение. Любопытненько, да?

Они молча разглядывали тело. Потом Хаген резко повернулся и пошел прочь.

– Слишком много информации? – спросил Хольм.

– Возможно, перебор с деталями, – ответила Беата. – И мне бы хотелось, чтобы он был здесь.

– Как думаешь, он вообще когда-нибудь вернется? – сказал Бьёрн Хольм.

Беата покачала головой. Бьёрн Хольм не знал, было ли это ответом на его вопрос или общей оценкой ситуации. Он развернулся и краем глаза заметил легко покачивающуюся еловую ветку на опушке леса. Холодный птичий крик пронзил тишину.

Колокольчик над входной дверью оглушительно зазвенел, когда Трульс Бернтсен зашел с морозной улицы во влажное тепло. В помещении пахло гнилыми волосами и лосьоном для волос.

– Подстричься? – спросил юноша с блестящими черными волосами, которые, Трульс был уверен, ему уложили в другом салоне.

– Двести? – ответил вопросом Трульс, стряхивая с плеч снег.

Март, месяц нарушенных обещаний. Он указал большим пальцем за спину, чтобы удостовериться, что объявление на улице по-прежнему актуально. Мужская стрижка – 200. Детская – 85. Пенсионерам – 75. Трульс видел, как люди заходили сюда с собаками.

– Как всегда, друг мой, – сказал парикмахер с пакистанским акцентом и жестом пригласил его сесть в одно из двух свободных кресел.

В третьем сидел мужчина, в котором Трульс моментально определил араба: он смотрел мрачным взглядом террориста из-под свежeweымытой челки, прилипшей ко лбу. Мужчина быстро отвел взгляд, встретившись с Трульсом глазами в зеркале: может, почуял запах бекона, а может, узнал взгляд копа. В таком случае он мог быть одним из дилеров, работающих на улице Бругата. Всего лишь травка, арабы настороженно относятся к тяжелым наркотикам. Наверное, Коран приравнивает спид и героин к свиному стейку? А может, это сутенер, золотая цепь – первый признак. В таком случае кто-то незначительный. Трульс знал в лицо всех серьезных сутенеров.

Парикмахер надел на него нагрудник.

– Да, хорошо ты оброс после последней стрижки, друг мой.

Трульсу не нравилось, когда «своим другом» его называли пакистанцы, а особенно пакистанцы-гомики, которым вскоре предстояло к нему прикоснуться. Но вот чем выгодно отличались местные гомики-парикмахеры, так это тем, что не прижимались бедрами к твоим плечам, склонив голову набок, не проводили руками по волосам и не ловили в зеркале твой взгляд, чтобы спросить, так тебя подстричь или иначе. Они просто начинали стричь, не спрашивая, хочешь ли ты помыть свои жирные волосы. Они просто обрызгивали их водой из бутылочки и, не принимая во внимание какие-либо пожелания, набрасывались на тебя с расческой и ножницами, словно участвовали в австралийском чемпионате по стрижке овец.

Трульс взглянул на первую полосу газеты, лежащей на полочке перед зеркалом. Та же песня: каков мотив так называемого палача полицейских? Большинство версий сводилось к тому, что убийца был сумасшедшим, ненавидевшим полицию, или анархистом-экстремистом. Кто-то говорил об иностранном террористе, но те обычно хотят, чтобы им воздавали почести за удачно проведенные акции, а в данном случае никто не взял на себя ответственность. Сомнений в том, что два убийства были связаны между собой, не было никаких, даты и места совершения преступлений исключали их. Поэтому одно время полиция искала преступника, которого арестовывали, допрашивали или обидели любым другим способом и Веннесла, и Нильсен. Но такой связи обнаружено не было. Потом в разработку взяли версию о том, что убийство Веннеслы было мстью частного лица из-за ареста, ревности, наследства или было совершено по другому обычному мотиву. А убийство Нильсена совершил абсолютно другой преступник с другим мотивом, но у него хватило ума скопировать убийство Веннеслы, чтобы ввести в заблуждение полицию и направить ее по

следу серийного убийцы. В таком случае преступника не стали бы искать в самых очевидных местах. Но полиция поступила именно так: стала искать в самых очевидных местах, как будто расследовала два не связанных между собой убийства. Но и эта версия не дала результатов.

И полиция вернулась к тому, с чего начала. Убийца полицейских. То же самое сделала пресса и стала брюзжать дальше: почему полицейские не могут поймать человека, убившего двоих из них?

Читая газетные заголовки, Трульс испытывал и удовлетворение, и злость. Микаэль наверняка надеялся, что с наступлением Рождества и Нового года пресса сфокусируется на других темах, забудет об убийствах и позволит им работать спокойно. Позволит ему продолжать быть новым симпатичным городским шерифом, the whiz kid^[20], стражником города, а не тем, у кого ничего не выходит, кто все запутывает и сидит под вспышками фотокамер с пораженческим выражением лица, демонстрируя полную некомпетентность, подобно представителям Управления железных дорог.

Трульсу не требовалось листать газеты, он прочитал их дома и посмеялся над беспомощными высказываниями Микаэля о ходе расследования. «В настоящее время невозможно сказать...» и «Нет никаких данных о...». Эти предложения были взяты из книги Бьеркнеса и Хоффа Йохансена «Методы расследования», из главы об общении с прессой. Книга входила в список литературы, обязательной для изучения в Полицейской академии. В ней сотрудникам полиции рекомендовалось использовать в общении с прессой подобные квазипредложения, потому что журналистов ужасно раздражает фраза «без комментариев». Полицейским также рекомендовалось избегать прилагательных в своей речи.

Трульс попытался разглядеть все это на фотографиях: точно такое же выражение отчаяния появлялось на лице Микаэля, когда большие соседские парни из Манглерада решали заткнуть пасть смазливому молокососу и Микаэлю требовалась помощь. Помощь Трульса. И Трульс, конечно, приходил на помощь. И именно он возвращался домой в синяках и ссадинах, а не Микаэль. Лицо Микаэля оставалось нетронутым и прекрасным. Прекрасным для Уллы.

– Не срезай слишком много, – сказал Трульс.

Он наблюдал в зеркале, как с его бледного, высокого, слегка выступающего вперед лба падали волосы. Из-за этого лба и тяжелой нижней челюсти его часто принимали за глупого, что иногда бывало весьма полезно. Иногда. Он закрыл глаза и задумался, действительно ли на тех фотографиях с пресс-конференции на лице Микаэля написано отчаяние, или его увидел только Трульс, потому что хотел увидеть.

Карантин. Временное отстранение. Удаление. Неприятие.

Он все еще получал зарплату. Микаэль посочувствовал ему, сказал, положив руку ему на плечо, что так будет лучше для всех, в том числе и для Трульса. До тех пор, пока юристы не разберутся, какие последствия может иметь тот факт, что полицейский получает деньги из источников, о которых он не может или не хочет говорить. Микаэль даже позаботился о том, чтобы Трульс продолжал получать некоторые надбавки. Так что поход к дешевому парикмахеру не был вынужденной мерой. Трульс никогда не ходил в эту парикмахерскую, но она нравилась ему все больше. Нравилось, что у него будет точно такая же стрижка, как у араба в соседнем кресле, стрижка террориста.

– Почему ты смеешься, друг мой?

Трульс резко замолчал, услышав собственный хрюкающий смех, из-за которого он

получил кличку Бивис. Ах да, кличку дал ему Микаэль. Это случилось на одной пирушке в старших классах школы. Все очень смеялись, когда обнаружили, что кретин Трульс Бернтсен как две капли воды похож на персонажа из мультика MTV! А Улла была там? Или Микаэль обнимал за талию другую девушку? Улла с мягким взглядом, одетая в белый свитер, с тонкими руками, которые она однажды в воскресенье в Брюне положила ему на затылок, чтобы притянуть поближе его голову, и стала кричать ему в ухо, заглушая грохот мотоцикла. Она просто хотела спросить, где Микаэль. Но он все еще помнил тепло ее рук: вот сейчас оно растопит его и он растечется лужей на теплом солнце прямо на мосту через шоссе. Его щека и ухо помнили ее дыхание, все органы его чувств были на пике, поэтому, несмотря на окружающий их запах бензина, выхлопных газов и жженой резины от пронесившихся внизу автомобилей, он мог распознать, какой зубной пастой она почистила зубы, ощутить клубничный аромат ее блеска для губ и запах порошка «Мило», которым был выстиран ее свитер. И еще он знал, что Микаэль целовал ее. И трахал ее. Или это он просто вообразил? Во всяком случае, он помнит, как ответил, что не знает, где Микаэль. Хотя знал. Хотя часть его хотела рассказать ей об этом. Хотела разрушить мягкость, чистоту, невинность и веру, наполнявшие ее взгляд. Разрушить его, Микаэля.

Но он, конечно, этого не сделал.

С чего бы ему так поступать? Микаэль был его лучшим другом. Его единственным другом. И чего бы Трульс добился, если бы рассказал, что Микаэль находится наверху с Ангеликой? Улла могла заполучить всех, кого желала, но она не желала его, Трульса. А пока она вместе с Микаэлем, у него, во всяком случае, был шанс находиться неподалеку от нее. У него была возможность, но не было мотива.

Тогда не было.

– Так, друг мой?

Трульс посмотрел на свой затылок в круглом зеркале в пластмассовой рамке, которое держал перед ним парикмахер.

Стрижка террориста. Стрижка террориста-смертника. Он хрюкнул, поднялся и бросил двухсотенную купюру на газету, чтобы избежать риска прямого контакта «рука в руку». Потом Трульс вышел в март, по-прежнему остававшийся неподтвержденным обещанием весны. Он посмотрел на здание Полицейского управления. Карантин. Затем он направился в сторону станции метро «Грёнланн». Стрижка заняла девять с половиной минут. Трульс поднял голову и зашагал быстрее. Он никуда не опаздывал. Никуда. Хотя нет, кое-что было. Но для этого многого не требовалось, нужно было только то, чем он уже располагал: время для планирования, ненависть, желание потерять все. Он бросил взгляд на витрину одного из азиатских магазинов этого района и удостоверился, что теперь наконец он выглядит как тот, кем он является.

Гуннар Хаген сидел, уставившись на обои за столом начальника полиции и на его пустое кресло. Он разглядел темноватые пятна, оставшиеся от фотографий, висевших в этом кабинете, сколько он его помнил. На снимках были изображены предыдущие начальники полиции, которые должны были вдохновлять нынешнего, но Микаэль Бельман, конечно, в них не нуждался. Не нуждался в инквизиторских изучающих взглядах, какими бывшие начальники смотрели на своих преемников.

Хаген хотел постучать пальцами по подлокотнику, но у стула не было подлокотников. Стулья Бельман тоже заменил на тяжелые, низкие деревянные модели.

Хагена вызвали к начальнику полиции. Помощник из приемной проводил Хагена в кабинет и сообщил, что начальник скоро прибывает.

Открылась дверь.

– Вот ты где! – Бельман обошел вокруг стола и плюхнулся в кресло, сложив руки за головой. – Что нового?

Хаген прокашлялся. Бельману было отлично известно, что ничего нового не появилось, поскольку Хаген получил строгий приказ немедленно докладывать о малейших продвижениях в ходе расследования двух убийств. Следовательно, вызвали его не поэтому. Но он поступил так, как было велено. Объяснил, что они не нашли следов ни по одному из дел, как не нашли связи между убийствами, не считая очевидного: обе жертвы были полицейскими, обнаруженными на местах совершения нераскрытых преступлений, в расследовании которых они принимали участие.

В середине доклада Хагена Бельман поднялся и подошел к окну, повернувшись к Хагену спиной. Он раскачивался на каблуках, притворяясь, что слушает, а потом прервал доклад:

– Ты должен разобраться с этим, Хаген.

Хаген замолчал, ожидая продолжения.

Бельман повернулся. На белых пигментных полосах на его лице проступила краснота.

– И еще я должен задать вопрос о приоритетах: ты предпочитаешь сохранять круглосуточную охрану в Национальной больнице, когда убивают честных полицейских. Разве не следовало бы направить все людские ресурсы на помощь следствию?

Хаген изумленно посмотрел на Бельмана:

– Там не мои люди, а сотрудники Центрального полицейского участка и студенты Полицейской академии на практике. Я не думаю, что расследование страдает от этого, Микаэль.

– Ах вот как? – сказал Бельман, не поворачиваясь. – Но все равно, я хочу, чтобы ты еще раз обдумал необходимость охраны. Я не вижу никакой непосредственной опасности для жизни пациента по прошествии столь длительного времени. Они знают, что он в любом случае не сможет дать показания.

– На самом деле говорят, появились признаки улучшения его состояния.

– Это дело больше не имеет приоритета. – Ответ начальника полиции был быстрым и немного злым. Но потом он сделал вдох и включил свою очаровательную улыбку: – Но конечно, тебе решать насчет охраны. Я ни в коем случае не собираюсь вмешиваться. Это ясно?

Хаген чуть было не выпалил «нет», но успел сдержаться и коротко кивнул, пытаясь сообразить, чего добивается Микаэль Бельман.

– Хорошо, – сказал Бельман и хлопнул в ладоши, показывая, что разговор окончен.

Хагену следовало встать и удалиться, пребывая в том же недоумении, в каком он явился сюда. Но он остался сидеть.

– Мы хотели попытаться подойти к расследованию с другой стороны.

– Да?

– Да, – ответил Хаген. – Разделить следственную группу на несколько маленьких групп.

– Для чего?

– Чтобы создать пространство для альтернативных версий. У больших групп есть сила, но не каждый способен мыслить, выходя за рамки привычного.

– А мыслить надо за... рамками?

Хаген сделал вид, что не услышал сарказма:

– Мы начали ходить по кругу и перестали видеть очевидное.

Он посмотрел на собеседника. Прежде Бельман работал следователем по особо тяжким преступлениям, поэтому он, конечно, прекрасно знал этот феномен: группа накрепко привязывалась к исходным данным, к предположениям, основанным на фактах, и совершенно теряла способность строить альтернативные гипотезы. И все-таки Бельман отрицательно покачал головой:

– С маленькими группами ты утратишь способность действовать, Хаген. Ответственность рассеивается, люди наступают друг другу на пятки, одна и та же работа делается по нескольку раз. Одна большая, хорошо скоординированная следственная группа – лучший вариант. По крайней мере, пока во главе ее стоит сильный хороший руководитель...

Хаген ощутил неровности на поверхности зубов, когда плотно сжал их, понадеявшись, что реакция на инсинуации Бельмана не будет читаться у него на лице.

– Но...

– Когда руководитель начинает менять тактику, это легко можно расценить как отчаяние и полупризнание в том, что он провалил расследование.

– Но мы уже провалили расследование, Микаэль. На дворе март, со времени убийства первого полицейского прошло шесть месяцев.

– Никто не пойдет за руководителем-неудачником, Хаген.

– Мои сотрудники не слепые глупцы, они знают, что мы стоим на месте. А еще они знают, что хорошие руководители должны обладать способностью менять курс.

– Хорошие руководители знают, как вдохновить своих людей.

Хаген сглотнул, проглотив то, что хотел сказать: он преподавал искусство руководства в Военной академии, когда Бельман еще бегал по двору с рогаткой. И если уж Бельману удавалось так здорово вдохновить своих подчиненных, как насчет того, чтобы хоть чуть-чуть вдохновить его, Гуннара Хагена? Но он слишком устал и был расстроен, поэтому не смог проглотить слова, которые, он точно знал, сильно разозлят Микаэля Бельмана:

– Мы добились успеха с независимой группой, которую возглавлял Харри Холе, помнишь? Те убийства в Устаусете никогда бы не были раскрыты, если бы...

– Я думаю, ты слышал меня, Хаген. Скорее я рассмотрю возможность сменить руководство расследования. Именно руководство несет ответственность за культуру поведения своих сотрудников, а сейчас, кажется, оно не слишком нацелено на результат. Если у тебя больше ничего ко мне нет, то у меня скоро встреча.

Хаген с трудом верил собственным ушам. Он поднялся на негнущихся ногах, как будто кровь вообще не циркулировала в них все то недолгое время, что он просидел на узком низком стуле, и поплелся к двери.

– Кстати, – произнес за его спиной Бельман, и Хаген услышал, как он сдерживает зевоту. – Что-нибудь новое по делу Густо?

– Как ты сам сказал, – ответил Хаген, не поворачиваясь и продолжая свой путь к двери, чтобы не показывать Бельману лица, вены на котором, в противоположность ногам, вздулись так, словно находились под высоким давлением, – это дело больше не имеет приоритета.

Микаэль Бельман подождал, пока не закроется дверь и начальник отдела не попрощается с секретарем в приемной. Потом он плюхнулся в кожаное кресло с высокой спинкой и съежился. Он вызвал Хагена не для того, чтобы расспрашивать его об убийствах

полицейских, и он подозревал, что Хаген об этом догадался. Дело было в том, что час назад ему позвонила Исабелла Скёйен и, естественно, завела старую песню о том, что из-за нераскрытых убийств полицейских они оба кажутся ни к чему не годными и беспомощными. И что в отличие от него она сильно зависит от благосклонности избирателей. Он отвечал «да» и «конечно» и ждал, когда она закончит, чтобы положить трубку, но вот тут-то и рванула бомба:

– Он вот-вот очнется.

Бельман сидел, положив локти на стол и опустив лоб на ладони, и разглядывал блестящий лак на поверхности письменного стола, в котором отражались нечеткие контуры его лица. Женщины считали его красавчиком. Исабелла прямо так и говорила, ей нравились красивые мужчины. Именно поэтому она занималась сексом с Густо. С тем красивым пареньком, похожим на Элвиса. Мужская красота часто вводит людей в заблуждение. Микаэль вспомнил мужчину из Крипоса, который решил попробовать свои силы и попытался его поцеловать. Потом он подумал об Исабелле. И Густо. Представил их вместе. Их троих вместе. Он резко поднялся с кресла и снова подошел к окну.

Дело было запущено. Так она сказала. Запущено. Все, что ему оставалось делать, – это ждать. От этого он должен бы был успокоиться, стать более дружелюбным по отношению к окружающим. Так почему же он воткнул в Хагена нож и повернул его в ране? Чтобы увидеть, как тот будет трепыхаться? Чтобы увидеть еще одно страдающее лицо, кроме того, отражение которого он видел на поверхности письменного стола? Но скоро все закончится. Теперь все в ее руках. А когда будет сделано то, что должно быть сделано, все станет как раньше. Они смогут забыть Асаева, Густо и уж во всяком случае того, разговоры о ком так и не прекращались, – Харри Холе. Так устроена жизнь, рано или поздно все забывается, и со временем забудутся даже эти убийства полицейских.

Все как раньше.

Микаэль Бельман захотел было проверить, этого ли ему хочется, но решил не проверять. Он и так знал, что хочется ему именно этого.

Столе Эуне вздохнул. Наступил один из тех моментов в курсе терапии, когда ему предстояло сделать выбор. Он сделал:

– Возможно, в вашей сексуальности имеются какие-то дремлющие силы.

Пациент посмотрел на него и слабо улыбнулся узкими глазами. Тонкие руки с почти ненормально длинными пальцами поднялись, словно желая поправить узел галстука над полосатым костюмом, но не стали этого делать. Столе уже раньше наблюдал подобное движение у этого пациента, и оно напоминало ему о пациентах, которым удалось отучить себя от конкретных принудительных действий, но не от вводных ритуалов, как, например, рука, собирающаяся что-то предпринять, совершить незаконченное действие, которое само по себе еще более бессмысленно, чем первоначальное, недобровольное, но, по крайней мере, объяснимое действие. Оно как шрам или хромота. Как эхо. Напоминание о том, что ничто не проходит бесследно, все каким-то образом откладывается в определенном месте. Как воспоминания о детстве. О людях, которых ты когда-то знал. О чем-то, что ты съел, а потом выbleвал. О твоих страстях. Клеточная память.

Рука пациента снова упала на колени. Он кашлянул и произнес твердым металлическим голосом:

– Черт, что вы хотите сказать? Мы что, сейчас будем заниматься этой фрейдистской фигней?

Столе взглянул на собеседника. Он краем глаза смотрел по телевизору сериал, в котором полицейские читали все эмоции людей по языку их тел. Язык тела – это, конечно, хорошо, но обычно человека выдает голос. Мускулы голосовых связок и гортани настроены так тонко, что могут формировать волны звука в различимые слова. Когда Столе преподавал в Полицейской академии, он обращал внимание студентов на то, что это само по себе чудо, и на то, что существует еще более чувствительный инструмент – человеческое ухо, способное не просто расшифровать такие звуковые волны как гласные и согласные, но и различить накал, напряженность и эмоции в голосе говорящего. Что на допросах гораздо важнее слушать, а не смотреть. Что небольшое повышение тона или почти незаметная дрожь в голосе являются более значительными сигналами, чем скрещенные руки, сжатые кулаки, величина зрачков и все другие факторы, которым нынешние светила психологии придавали огромное значение. С точки зрения Столе, эти факторы чаще сбивали следователей с толку и уводили расследование в сторону. Да, действительно, пациент, сидевший перед ним, выругался, но не это, а прежде всего давление на ушные мембраны поведало Столе, что пациент бдителен и зол. Обычно это не настораживает опытного психолога. Наоборот, сильные эмоции свидетельствуют о наступлении переломного момента в лечении. Но проблема этого пациента заключалась в том, что все происходило в неправильном порядке. Даже после нескольких месяцев регулярных встреч Столе не удалось установить с ним контакт, добиться близости и доверия. На самом деле терапия была настолько безрезультатной, что Столе подумывал прекратить лечение или направить пациента к одному из своих коллег. Проявление злости в спокойной атмосфере доверия – это хорошо, но в данном случае такое проявление могло означать, что пациент еще больше закрылся, еще глубже зарылся в свой окоп.

Столе вздохнул. Совершенно очевидно, что он принял неверное решение, но сейчас уже

слишком поздно, и он решил двигаться дальше.

– Пол, – произнес он.

Пациент обратил его внимание на то, что его имя следует произносить не как Пауль, а как Пол. И не по-норвежски, Поль, а с твердым английским «л», хотя Столе не смог услышать разницу. Этот факт, в сочетании с аккуратно выщипанными бровями и двумя маленькими шрамами под подбородком пациента – следами подтяжки лица, поведал Столе, кто такой его пациент, в первые десять минут их первой встречи.

– Подавление гомосексуальности является обычным явлением даже в нашем очевидно толерантном обществе. – Он поднял глаза на пациента, чтобы увидеть его реакцию. – Я часто работаю с полицейскими, и один из них, проходивший у меня терапию, рассказывал, что наедине с собой он является открытым гомосексуалистом, но не может быть таковым на работе, потому что коллеги выживут его из коллектива. Я спросил, насколько он в этом уверен. В вопросах притеснения многое зависит от того, чего мы ожидаем от самих себя и какие ожидания, по нашему мнению, имеются у окружающих. Особенно у близких, друзей и коллег.

Он остановился.

Зрачки пациента не были расширены, кожа не изменила цвета, он не избегал взгляда в глаза, ни одна часть его тела не попыталась отвернуться от Столе. Наоборот, его узкие губы растянулись в слабую насмешливую улыбку. Но к своему удивлению, Столе Эуне заметил, что температура его собственных щек повысилась. Господи, как же он ненавидит этого пациента! Как он ненавидит эту работу!

– И что с тем полицейским? – спросил Пол. – Он последовал вашему совету?

– Наше время истекло, – сказал Столе, не глядя на часы.

– Мне любопытно, Эуне.

– Я связан врачебной тайной.

– Давайте назовем его Икс. И по вам я вижу, что мой вопрос вам не нравится. – Пол улыбнулся. – Он последовал вашему совету, и ничего хорошего из этого не вышло, так ведь?

Эуне вздохнул:

– Икс зашел слишком далеко, неправильно оценил ситуацию и попытался поцеловать коллегу в туалете. И его выжили. Но смысл в том, что все могло закончиться хорошо. Вы можете хотя бы просто поразмыслить на эту тему к нашей следующей встрече?

– Но я не голубой. – Пол поднял руку к подбородку и снова опустил ее.

Столе Эуне коротко кивнул:

– В это же время на следующей неделе?

– Не знаю. Мне не становится лучше, верно?

– Дело движется медленно, но оно движется, – сказал Столе.

Этот ответ выскочил у него автоматически, как жест у пациента.

– Да, вы так говорите, – ответил Пол. – Но у меня есть ощущение, что я плачу ни за что. И что вы настолько же бесполезны, как и те полицейские, что не в состоянии поймать гребаного убийцу и насильника...

Столе с определенной долей удивления отметил, что голос пациента стал ниже. Спокойнее. Что и голос, и язык его тела сообщали нечто другое, не то, что он только что сказал. Мозг Столе как на автопилоте начал анализировать причины, по которым пациент выбрал именно этот пример, но ответ был настолько очевиден, что глубокие размышления были излишними. Газеты, лежавшие на столе в кабинете с осени. Они всегда были открыты

на страницах, где речь шла об убийствах полицейских.

– Поймать серийного убийцу не так-то просто, Пол, – сказал Столе Эуне. – Мне кое-что известно о серийных убийцах, на самом деле я на них специализируюсь. Как раз на них. Но если вы чувствуете, что хотите прекратить лечение или обратиться к кому-то из моих коллег, вы вольны поступить, как считаете нужным. У меня есть список очень хороших психологов, и я могу помочь вам...

– Вы что, отказываетесь от меня, Столе?

Пол свесил голову набок, веки с бесцветными ресницами сползли немного вниз, а улыбка стала шире. Столе не мог понять, то ли это ирония по поводу предложения подумать о гомосексуализме, то ли наружу прорвалась частичка настоящего Пола. Или и то и другое.

– Не поймите меня неправильно, – сказал Столе, понимая, что его поняли правильно. Он хотел избавиться от этого мужчины, но профессиональные терапевты не прогоняют сложных пациентов. Они начинают работать еще активнее. Он поправил свою бабочку. – Мне бы очень хотелось помочь вам, но мы должны доверять друг другу. А сейчас мне показалось...

– Просто у меня сегодня плохой день, Столе, – развел руками Пол. – Простите. Я знаю, что вы хороший специалист. Вы расследовали серийники в отделе по расследованию убийств, правильно? Вы участвовали в поимке того типа, что рисовал пентаграммы на местах преступлений. Вы и тот инспектор.

Столе внимательно посмотрел на пациента, который встал и начал застегивать пиджак.

– Да, вы прекрасно подходите мне как врач, Столе. На следующей неделе. А за оставшееся время я подумую, не голубой ли я.

Столе остался сидеть. Он слышал, как Пол напевает, стоя в коридоре в ожидании лифта. Мелодия показалась ему знакомой.

Как и многое из того, что говорил Пол. Он использовал полицейский жаргон, сказав «серийник» вместо обычного «серийное убийство». Он назвал Харри Холе инспектором, а большинству людей не было известно о повышении в звании сотрудников полиции. Люди запоминали преимущественно кровавые детали из газетных репортажей, а не мелкие вещи вроде пентаграммы, начерченной на балке рядом с трупом. Но особенно он отметил, поскольку это могло иметь значение для терапии, что Пол сравнил его с «полицейскими, что не в состоянии поймать гребаного убийцу и насильника».

Столе услышал, как пришел и отъехал лифт. Но теперь он вспомнил мелодию. Он недавно прослушал «Dark Side of the Moon», чтобы попытаться найти связь со снами Пола Ставнеса. Песня называлась «Brain Damage»^[21]. И пелось в ней о сумасшедших, которые живут в траве, в прихожей – в общем, рядом с нами.

Насильник.

Убитые полицейские не были изнасилованы.

Конечно, он мог не проявлять особого интереса к этому делу и спутать убийство полицейских с ранее произошедшими в тех местах преступлениями. Или же он просто думал, что все серийные убийцы непременно насильники. Или же он фантазировал об убитых полицейских, что, естественно, подкрепляло теорию о подавленной гомосексуальности. Или...

Рука Столе Эуне замерла на месте, и он с удивлением обнаружил, что она тянулась к бабочке.

Антон Миттет глотнул кофе и посмотрел на мужчину, спящего на больничной койке. Разве он не должен сейчас испытывать немного радости? Той же радости, о которой Мона сказала: «Одно из маленьких обычных чудес, ради которых стоит быть медсестрой»? Конечно, хорошо, что коматозный пациент, по общему мнению балансировавший на грани смерти, внезапно передумал, стал выкарабкиваться и очнулся. Но человек на койке с бледным потасканным лицом ничего для него не значил. Единственное, что имело значение, – работе скоро наступит конец. Конечно, это не должно было означать, что их отношениям тоже наступит конец. Последние несколько часов они в любом случае провели не здесь. Более того, теперь им больше не надо было беспокоиться, заметят ли коллеги нежные взгляды, которыми они обменивались всякий раз, когда она входила в палату и выходила из нее, слишком длинные беседы, слишком резко прерываемые при появлении других людей. Но у Антона Миттета было мучительное чувство, что именно это являлось предпосылкой их отношений. Секретность. Противозаконность. Напряжение оттого, что можешь видеть, но не можешь дотронуться. Необходимость ждать, тайно исчезать из дома, потчuya Лауру очередной порцией лжи о дополнительном дежурстве, которую ему было все легче произносить, но которая заполняла все его дыхательные пути и однажды, он точно знал, его задушит. Он знал, что неверность не добавляет ему очков в глазах Моны, что, вполне возможно, она представляет, как однажды в будущем он станет точно так же врать ей. Она рассказывала, что у нее уже случалось так с другими мужчинами, они предавали ее. А ведь тогда она была стройнее и моложе, чем сейчас, так что, если он решит бросить эту толстую престарелую женщину, в которую она превратилась, она не будет шокирована. Он пытался объяснить, что так говорить не стоит, даже если она на самом деле так думает. Что от этого она становится страшнее. От этого он становится страшнее. Это превращает его в мужчину, который берет все, что может. Но теперь он был рад, что она это сказала. Когда-то это должно было закончиться, и она облегчила ему задачу.

– Где ты взял кофе? – спросил новый медбрат, поправляя круглые очки и глядя, как он читает историю болезни, снятую со спинки кровати.

– Там, в конце коридора, стоит кофеварка. Ею пользуюсь только я, но, пожалуйста...

– Спасибо за предложение, но я не пью кофе, – ответил медбрат.

Антону послышалось что-то странное в том, как он выговаривает слова.

Медбрат достал из кармана лист бумаги и стал читать:

– Так, что тут у нас... Ему надо дать пропофол.

– Понятия не имею, что это значит.

– Это значит, что он довольно долго будет спать.

Антон внимательно оглядел медбрата, проткнувшего иглой шприца закрытое фольгой горлышко маленького пузырька с прозрачной жидкостью. Медбрат был маленьким и щуплым и внешне напоминал одного известного артиста. Не самого красивого. Но такого, что все-таки добился успеха. Артиста со страшными зубами и совершенно незапоминающейся итальянской фамилией, к тому же Антон уже не мог вспомнить фамилию медбрата, которую тот назвал при знакомстве.

– С выходящими из комы пациентами всегда сложно, – сказал медбрат. – Они очень ранимые, и в сознание их необходимо приводить очень осторожно. Один неправильный укол – и мы рискуем отправить их обратно туда, откуда они вернулись.

– Понятно, – ответил Антон.

Медбрат предъявил ему свое удостоверение, назвал пароль и подождал, пока Антон

позвонит дежурному и уточнит, действительно ли этот мужчина должен дежурить в это время.

– Значит, у вас богатый опыт работы с наркозом и тому подобным? – спросил Антон.

– Я проработал в отделении анестезии несколько лет, да.

– Но теперь вы там не работаете?

– Я путешествовал два-три года. – Медбрат направил острие шприца к свету и выпустил вверх струйку, развалившуюся на облако микроскопических капель. – Кажется, этот пациент прожил нелегкую жизнь. А почему на истории болезни нет его имени?

– Он должен быть анонимным. Разве вас об этом не предупредили?

– Нет, мне ничего не сказали.

– А должны бы были. Он является потенциальной жертвой покушения. Именно поэтому я сижу в коридоре у дверей его палаты.

Медбрат наклонился к лицу пациента и закрыл глаза. Казалось, он вдыхает выдохи больного. Антон поежился.

– Я видел его раньше, – сказал медбрат. – Он из Осло?

– Я связан подпиской о неразглашении.

– А я что, нет?

Медбрат закатал рукав рубашки пациента. Постучал по внутренней стороне предплечья. Что-то было в том, как он говорил, и Антон никак не мог определить, что именно. Он снова поежился, когда острие шприца вошло в кожу, и ему показалось, что в установившейся полной тишине он слышит скрип от трения шприца о плоть. И звук от струи жидкости, устремившейся из шприца, когда медбрат нажал на поршень.

– Он жил в Осло несколько лет, пока не сбежал за границу, – сказал Антон, сглотнув. – А потом вернулся. По слухам, из-за какого-то мальчишки. Наркомана.

– В таком случае невеселая история.

– Да, но все-таки кажется, что у нее будет хороший конец.

– Пока слишком рано утверждать, – произнес медбрат, вытаскивая шприц. – У многих коматозных пациентов случаются острые рецидивы.

Теперь Антон расслышал, что было не так с речью собеседника. Это едва можно было расслышать, но они присутствовали – слабые звуки «с». Он пришепetyвал.

После того как они вышли из палаты и медбрат исчез в дали коридора, Антон вернулся к пациенту. Посмотрел на мониторы, регистрирующие работу сердца. Послушал ритмичные гудки, похожие на звуки радаров подлодки, идущей глубоко под водой. Он не знал, что побудило его сделать это, но он поступил, как медбрат: нагнулся к лицу мужчины и закрыл глаза. И ощутил на своем лице его дыхание.

Алтман. Антон внимательно прочитал его бeдж, перед тем как медбрат ушел. Его звали Сигурд Алтман. Просто предчувствие, ничего больше. Но он решил завтра побольше разузнать об этом медбрате. Драмменское дело не должно повториться. На этот раз он не совершит ошибки.

Катрина Братт сидела, положив ноги на стол и прижимая ухом к плечу трубку телефона. Гуннар Хаген поставил ее на ожидание. Ее пальцы бегали по клавиатуре. Она знала, что за ее спиной, за окном, Берген купается в лучах солнца. Улицы, мокрые после дождя, который начался утром, а закончился десять минут назад, сверкают. И по присущей Бергену закономерности скоро снова начнет моросить. Но в данную минуту всю сияло солнце, и Катрина Братт надеялась, что Гуннар Хаген скоро завершит другой телефонный разговор и возобновит прерванную беседу с ней. Она просто хотела передать добытую информацию и убраться из Управления полиции Бергена. Выйти на свежий атлантический воздух, который пах намного лучше того, что сейчас вдыхал ее бывший начальник, сидя в своем кабинете на востоке столицы. А потом Хаген выдохнул с взволнованным криком:

– Как это нам еще не разрешили его допросить? Он вышел из комы или нет? Да, я понимаю, что он слаб, но... Что?

Катрина надеялась, что информация, которую она добыла за последние дни, значительно улучшит отвратительное настроение Хагена. Она перелистала бумаги, просто чтобы перепроверить то, что она уже знала.

– Мне насрать, что там говорит его адвокат! – прорычал Хаген. – И мне насрать, что говорит главврач! Я хочу, чтобы его допросили немедленно!

Катрина Братт услышала, как он со всего размаха швырнул трубку стационарного телефона. И наконец вернулся к разговору с ней.

– Так что там? – спросила она.

– Ничего, – ответил Хаген.

– Это он? – поинтересовалась она.

Хаген вздохнул:

– Да, это он. Он выходит из комы, но они накачивают его лекарствами и говорят, что мы должны подождать еще минимум два дня, прежде чем сможем поговорить с ним.

– Разве плохо, что они так осторожничают?

– Нет, конечно. Но как ты знаешь, нам здесь скоро потребуются какие-нибудь результаты. Это дело об убийствах полицейских нас доконает.

– Два дня ведь ничего не решат?

– Знаю, знаю. Но должен же я был рывкнуть на них. Это одно из преимуществ, ради которых люди работают на износ, чтобы стать начальником. Так ведь?

На этот вопрос у Катрины Братт ответа не было. Она никогда не хотела быть начальником. И даже если бы хотела... Она догадывалась, что полицейский, прошедший лечение в психиатрическом отделении, вряд ли мог попасть в начало очереди из тех, кто собирался поделить между собой кабинеты больших начальников. Ее диагноз эволюционировал от маниакально-депрессивного психоза к пограничному состоянию, потом к биполярному расстройству и в конце концов к «здоровая». По крайней мере до тех пор, пока она принимает свои маленькие розовые таблетки, помогающие ей держаться на плаву. Пусть себе ругают использование медикаментов в психиатрии сколько угодно, но Катрине лекарства дали новую лучшую жизнь. Правда, она замечала, что начальник особенно пристально приглядывает за ней и что на нее не возлагают больше оперативной работы, чем необходимо. Но это нормально, ей нравилось сидеть в своем тесном кабинете с мощным

компьютером, паролем и эксклюзивным доступом к поисковику, о которых не знали даже полицейские. Искать, путешествовать по Сети, находить. Выслеживать людей, судя по всему исчезнувших с лица земли. Видеть связи там, где другие видят только случайности. Именно на этом специализировалась Катрина Братт. Она не раз выручала Крипос и отдел по расследованию убийств в Осло. Поэтому окружающим приходилось мириться с тем, что с ними работает женщина, у которой приступ психоза waiting to happen^[22].

– Ты сказала, что у тебя есть что-то для меня?

– В последние недели у нас в отделе было спокойно, и я изучала те убийства полицейских.

– Твой начальник из бергенского управления попросил тебя...

– Нет-нет. Я подумала, что лучше заниматься этим делом, чем блуждать по порносайтам или раскладывать пасьянсы.

– Я весь – внимание.

Катрина слышала, что Хаген старается казаться благожелательным, но с трудом скрывает бессилие. Наверняка ему досадно постоянно надеяться и постоянно разочаровываться, чем он и занимался на протяжении последних месяцев.

– Я просмотрела сведения в поисках лиц, каким-либо образом фигурировавших в обоих первоначальных убийствах, в Маридалене и Триванне.

– Спасибо большое, Катрина, но мы тоже их искали. Можно сказать, вдоль и поперек.

– Знаю. Но я работаю немного иначе, понимаете.

Тяжелый вздох.:

– Продолжай.

– Я заметила, что те два дела расследовали разные группы, только два криминалиста и три следователя участвовали в обоих расследованиях. И никто из этих пятерых не мог точно знать, кого допрашивали в рамках этих дел. А поскольку ни одно из дел не было раскрыто, у них истек срок давности, а объем у них – колоссальный.

– Колоссальный, это точно. И конечно, правда, что никто не может упомянуть всего, что произошло в ходе расследования. Но все, кого допрашивали, естественно, занесены в Регистр уголовных преступлений.

– Вот именно, – сказала Катрина.

– Что именно?

– Когда человека доставляют на допрос со стороны, его регистрируют, а протокол допроса архивируют в материалах дела, по которому его допрашивали. Но иногда случаются накладки. Например, если допрашиваемый уже находится в тюрьме, с ним неформально беседуют прямо в камере и его не регистрируют, поскольку он уже зарегистрирован.

– Но материалы допроса все равно архивируются вместе с делом.

– Обычно да. Но не в том случае, если это допрос по совершенно другому делу, по которому человек является главным подозреваемым, а убийство в Маридалене только упоминается в ходе допроса, так сказать, с прицелом на будущее. Тогда весь протокол допроса будет заархивирован вместе с материалами первого дела, а любые поиски по имени не свяжут этого допрашиваемого с другим делом.

– Интересно. И ты обнаружила...

– Человека, которого допрашивали в качестве главного подозреваемого в изнасиловании в Олесунне, пока он отбывал срок за нанесение телесных повреждений и попытку изнасилования несовершеннолетней в отеле в Утте. Во время допроса его спрашивали об

убийстве в Маридалене, но впоследствии протокол был заархивирован в деле о попытке изнасилования в Утте. Интересно то, что этого же человека потом допрашивали в связи с убийством в Триванне, но тогда уже вызывали обычным способом.

– И? – В голосе Хагена впервые появились признаки заинтересованности.

– У него было алиби на время всех трех преступлений, – сказала Катрина и скорее почувствовала, чем услышала, как выходит воздух из воздушного шарика, который она надула для Хагена.

– Вот как. Должен ли я выслушать еще какую-нибудь веселую бергенскую историю?

– Есть еще кое-что, – ответила Катрина.

– У меня встреча через...

– Я проверила алиби допрашиваемого. Оно было одинаковым во всех трех случаях. Свидетель, подтвердивший, что он был дома. Свидетелем этим выступала молодая женщина, и в то время ее показания сочли надежными. У полиции на нее ничего не было, она никак не была связана с подозреваемым, они просто жили в одном доме. Но если проследить за ней дальше во времени, открываются любопытные вещи.

– Например?

– Например, растраты, торговля наркотиками и подделка документов. И если внимательно прочитать протоколы ее последующих допросов, в них всегда повторяется одно и то же. Угадайте что.

– Лжесвидательства.

– К сожалению, к этому редко прибегают, чтобы пролить новый свет на старые дела. По крайней мере, на такие старые и запутанные дела, как Маридален и Триванн.

– Но, черт побери, как зовут эту дамочку? – В голос Хагена вернулось оживление.

– Ирья Якобсен.

– У тебя есть ее адрес?

– Да. Ее можно найти в Регистре преступлений, в Регистре населения и в парочке других регистров...

– Черт, ее надо немедленно вызвать и допросить!

– ...таких, как, например, Регистр пропавших без вести.

Осло надолго замолчал. Катрине хотелось совершить долгую прогулку, спуститься к рыбацким лодкам на набережной Брюгген, купить пакет голов трески, поехать домой, в свою квартиру на Мёленприс, не спеша приготовить обед и посмотреть сериал «Во все тяжкие», когда, по ее прикидкам, снова начнется дождь.

– Хорошо, – ответил Хаген. – Но ты, во всяком случае, дала нам ниточку. Как зовут парня?

– Валентин Йертсен.

– И где он находится?

– Вот именно, – произнесла Катрина Братт, повторяясь. Пальцы ее скользили по клавиатуре. – Я не нахожу его.

– Тоже пропал без вести?

– Его нет в списке пропавших. И это странно: похоже, его просто сдуло ветром с поверхности земли. Ни одного известного адреса, не зарегистрировано ни одного телефонного номера, даже нет банковского счета. Не голосовал на прошлых выборах и за последний год не покупал билетов ни на поезд, ни на самолет.

– В Google искала?

Катрина рассмеялась и не могла остановиться до тех пор, пока не поняла, что Хаген не шутит.

– Расслабьтесь, – сказала она. – Я найду его. Поработаю на своем домашнем компьютере.

Они закончили разговор. И Катрина поднялась, в спешке надела куртку, потому что тучи уже напоздали на город со стороны острова Аскёй. Она уже хотела выключить компьютер, как вдруг ей в голову пришла одна мысль. Харри Холле однажды сказал ей, что люди часто забывают проверить наиболее очевидное. Она быстро застучала по клавишам. Подождала, пока откроется страница.

Несколько голов в открытом офисном пространстве повернулось в ее сторону, когда она разразилась отборными бергенскими ругательствами. Но она даже не собиралась успокаивать их и объяснять, что дело не в психозе. Харри, как обычно, был прав.

Она подняла телефонную трубку и нажала клавишу повтора последнего вызова. Гуннар Хаген ответил после второго звонка.

– Я думала, вы опаздываете на встречу, – сказала Катрина.

– Отложил. Даю задания по розыску этого Валентина Йертсена.

– Не надо. Я только что его нашла.

– Да?

– Ничего удивительного в том, что он словно исчез с лица земли. Я хочу сказать, не считая того, что он действительно исчез с лица земли.

– Ты имеешь в виду, что...

– Он умер, да. О чем имеется четкая запись в Регистре населения. Прошу прощения за бергенскую суету. Я иду домой, чтобы утешиться поеданием рыбьих голов.

Когда она повесила трубку и подняла голову, за окном уже начался дождь.

Антон Миттет оторвался от кофейной чашки, заметив Гуннара Хагена, входящего плавной походкой в столовую на седьмом этаже Полицейского управления. Антон некоторое время сидел, смотрел в окно, думал о том, как все могло бы быть. А еще он размышлял о том, что перестал думать, как все могло бы быть. Наверное, именно с этого начинается старение. Ты уже поднял выпавшие карты и заглянул в них. Новых карт не будет. Поэтому ты можешь только как можно лучше сыграть имеющимися картами и мечтать о том, какие карты тебе могли бы выпасть.

– Прошу прощения за опоздание, Антон, – сказал Гуннар Хаген и уселся на стул напротив него. – Дурацкий звонок из Бергена. Как дела?

Антон пожал плечами:

– Работа и еще раз работа. Смотрю, как молодежь несется вверх мимо меня. Пытаюсь давать им советы, но они не находят причин прислушиваться к престарелому мужчине, который все еще не продвинулся по службе. Кажется, они думают, что жизнь – это красная ковровая дорожка, раскинутая специально ради них.

– А как дома? – спросил Хаген.

Антон снова пожал плечами:

– Нормально. Жена жалуется, что я слишком много работаю. Но когда я прихожу домой, она тоже жалуется. Звучит знакомо?

Хаген издал неопределенный звук, который мог означать именно то, что собеседник хотел услышать.

– Ты помнишь день своей свадьбы?

– Да, – ответил Хаген, бросив беглый взгляд на часы. Не потому, что он не знал, сколько времени, а для того, чтобы подать сигнал Антону Миттету.

– Худшее заключается в том, что, когда ты стоишь у алтаря и отвечаешь «да» всей этой вечности, ты действительно хочешь сказать это «да». – Антон глухо засмеялся, покачивая головой.

– Ты хотел о чем-то поговорить со мной? – напомнил Хаген.

– Да. – Антон провел указательным пальцем по переносице. – Вчера на дежурстве появился один медбрат. Он показался мне немного подозрительным. Не знаю почему, но ты понимаешь, как старые пройдохи вроде нас это чувствуют. И я пробил его. Оказалось, что три-четыре года назад он был замешан в одном убийстве. Его выпустили, сняв подозрения. Но все равно.

– Понимаю.

– Я подумал, что лучше рассказать тебе об этом. Ты ведь можешь поговорить с больничным начальством. Может быть, его как-нибудь незаметно переведут.

– Я позабочусь об этом.

– Спасибо.

– Это тебе спасибо. Хорошая работа, Антон.

Антон Миттет сделал полупоклон. Он был рад благодарности Хагена. Рад, потому что похожий на монаха начальник отдела был единственным человеком в полиции, у кого он находился в долгу. Именно Хаген лично вытянул Антона на поверхность после того дела. Именно он позвонил начальнику полиции Драммена и сказал, что они наказали Антона слишком строго и что если в Драммене не требуется его опыт, то Полицейскому управлению Осло он определенно нужен. Так и вышло. Антон стал служить в дежурной части Криминального управления в районе Грлнланн, а жил по-прежнему в Драммене – только на такие условия была согласна Лаура. И когда Антон Миттет спустился на лифте в дежурную часть на втором этаже, он чувствовал, что идет более упругой и пружинистой походкой, чуть больше выпрямив спину, и даже с улыбкой на губах. И он чувствовал – да, на самом деле чувствовал, – что это может стать началом чего-то хорошего. Надо бы купить цветы для... Он передумал. Цветы для Лауры.

Катрина смотрела в окно, набирая на клавиатуре номер. Ее квартира располагалась на так называемом высоком первом этаже. Настолько высоким, что она не видела людей, проходящих мимо по тротуару. Настолько низким, что ей были видны их раскрытые зонты. А за каплями дождя, которые разбивались об оконное стекло под порывами ветра, ей был виден мост Пюддефьордсбруэн, связывавший город с дырой в горе на другой стороне фьорда, в районе Лаксевога. Но в данный момент она смотрела на экран 50-дюймового телевизора, где больной раком учитель химии варил метамфетамин. Ей это казалось на удивление забавным. Она купила телевизор, руководствуясь девизом «Почему одинокие мужчины хотят большие телевизоры?». DVD-диски были весьма субъективно рассортированы и расставлены на двух полках под проигрывателем «Маранц». На первом и втором местах слева на полке с классикой стояли фильмы «Бульвар Сансет» и «Поющие под дождем», а среди новых фильмов на следующей полке лидерство неожиданно захватила «История игрушек – 3». Третья полка была отдана CD-дискам, которые Катрина из сентиментальности не отдала Армии спасения, а сохранила для себя, несмотря на то что они были скопированы на

жесткий диск компьютера. У нее были однозначные предпочтения: она слушала только глэм-рок и прогрессивный поп, чаще всего британский, лучше всего немного андрогинный: Дэвид Боуи, «Sparks», «Mott The Hoople», Стив Харли, Марк Болан, «Small Faces», «Roxy Music» и «Suede» в качестве своеобразной точки.

Учитель химии вспоминал одну из ссор с женой. Катрина поставила DVD-проигрыватель на перемотку вперед и позвонила Беате.

– Лённ.

Голос был звонким, почти юношеским. И ответ ее давал ровно столько информации, сколько было необходимо. Если человек отвечает по телефону, называя только свою фамилию, разве это не означает, что он живет в большой семье и звонящий должен уточнить, с кем именно из Лённов он хочет поговорить? Но в данном случае Лённ – это всего лишь вдова Беата Лённ и ее дочка.

– Это Катрина Братт.

– Катрина! Давно тебя не слышала! Чем занимаешься?

– Смотрю телевизор. А ты?

– Проигрываю золотцу в «Монополию» и в утешение ем пиццу.

Катрина задумалась, сколько же лет золотцу. Во всяком случае, достаточно, чтобы выиграть у мамы в «Монополию». Еще одно шокирующее напоминание о том, как быстро летит время. Катрина хотела было сказать, что, со своей стороны, она в утешение ест рыбы головы, но потом сообразила, что это будет так по-девичьи банально. Именно подобных ироничных квазидепрессивных речей ожидают от одиноких девушек вместо слов о том, как дела обстоят на самом деле и что они не уверены, смогут ли жить без свободы. На протяжении нескольких лет она время от времени подумывала позвонить Беате, просто чтобы поболтать. Поболтать, как она обычно болтала с Харри Холе. И она, и Беата были взрослыми женщинами-полицейскими, у обеих не было мужей, у обеих отцы работали в полиции, обе обладали интеллектом выше среднего, были реалистками без иллюзий, даже не мечтающими о принцах на белых конях. Правда, от коней они бы не отказались, если бы те могли доставить их туда, куда им надо.

Они могли бы о многом поговорить.

Но она так и не звонила. Если, конечно, дело не касалось работы.

Возможно, Беата думала так же.

– Дело касается некоего Валентина Йертсена, – сказала Катрина, – умершего растлителя. Ты знаешь такого?

– Подожди, – произнесла Беата.

Катрина услышала быстрый стук по клавишам и отметила еще одну объединяющую их черту. Всегда в Сети.

– Ах этот, – сказала Беата. – Я видела его несколько раз.

Катрина догадалась, что Беата открыла фотографию мужчины. Говорили, что у Беаты Лённ fusiform gyrus – часть мозга, отвечающая за распознавание лиц, – хранит лица всех людей, которых Беата когда-либо видела. И в ее случае выражение «я никогда не забываю лиц» имело буквальный смысл. Ее наверняка изучали исследователи мозга, потому что она была одной из тридцати с чем-то людей во всем мире, кто точно обладал такой способностью.

– Его допрашивали как по делу Триванна, так и по делу Маридалена, – сказала Катрина.

– Да, я смутно помню, – ответила Беата. – Но вроде бы у него в обоих случаях было алиби.

– Одна из его соседок по кооперативному дому клялась, что он провел вечер вместе с ней у нее в квартире. Мой вопрос в следующем: вы брали у него пробы на ДНК?

– Если у него было алиби, то вряд ли. В те времена анализ ДНК был тяжелым и дорогим процессом. Его в лучшем случае проводили только в отношении главных подозреваемых, да и то если у нас на них больше ничего не было.

– Я знаю, но после того, как в Институте судебной медицины появилась собственная лаборатория по анализу ДНК, вы проверили ряд ДНК-проб из старых нераскрытых дел, да?

– Да, но на самом деле ни в Триванне, ни в Маридалене не было найдено никаких биологических следов. И если мне не изменяет память, Валентин Йертсен получил свой срок, а потом случилось это.

– Что?

– Его забили до смерти.

– Я знала, что он умер, но не знала...

– Конечно. Это случилось, когда он отбывал срок в тюрьме Ила. Его нашли в камере избитым до состояния фарша. Заключение не любят людей, тискающих маленьких девочек. Виновного не нашли. Не исключено, что его не очень-то стремились найти.

Молчание.

– Прости, что не смогла помочь тебе, – произнесла Беата. – А вот сейчас мне выпало «Испытай удачу», так что...

– Будем надеяться, что она развернется к нам лицом.

– Кто?

– Удача.

– Вот-вот.

– И последнее, – сказала Катрина. – Я хотела бы поговорить с Ирмей Якобсен, которая предоставила алиби Валентину. Она числится пропавшей без вести. Но я поискала в Сети.

– И?

– Адрес не менялся, никаких налоговых выплат, выплат по страховкам, кредиток. Никаких поездок или мобильных телефонов. Когда люди производят так мало действий, они обычно попадают в одну из двух категорий. Самая большая из них – это умершие. Но потом я кое-что обнаружила. Регистрацию в лотерее. Одна-единственная ставка. Двадцать крон.

– Она играла в лотерею?

– Надеюсь, удача развернется к нам лицом. В любом случае это означает, что она относится к другой категории.

– И какой же?

– К активно скрывающимся.

– Ты хочешь, чтобы я помогла тебе отыскать ее?

– У меня есть ее последний известный адрес в Осло и адрес ларька, в котором она заполнила лотерейный купон. И я знаю, что она принимала наркотики.

– Хорошо, – сказала Беата. – Я поговорю с нашими агентами.

– Спасибо.

– Не за что.

Молчание.

– Что-нибудь еще?

– Нет. Да. Тебе нравится фильм «Поющие под дождем»?

– Я не люблю мюзиклы, а что?

– Задушевного друга не так-то легко найти, как думаешь?

Беата тихо засмеялась:

– Да. Давай как-нибудь поговорим об этом.

Они положили трубки.

Антон сидел и ждал, сложив руки на груди и вслушиваясь в тишину. Он посмотрел в сторону коридора.

Мона сейчас находилась у пациента и скоро должна была выйти и улыбнуться ему своей лукавой улыбкой. Может быть, она положит руку ему на плечо. Или погладит его по волосам. А может, быстро поцелует, дав ему возможность на минуту почувствовать вкус своего языка, который всегда пах мятой, а потом удалится по коридору, дразняще крутя пышной задницей. Может, она и не собиралась его дразнить, но ему хотелось думать, что собиралась. Что напрягала мышцы и поигрывала ими ради него, ради Антона Миттета. Да, ему было за что благодарить судьбу, как говорят.

Он посмотрел на часы. Скоро придет смена. Он уже собирался зевнуть, как вдруг услышал возглас.

Этого было достаточно, чтобы Антон мгновенно вскочил на ноги и распахнул дверь. Он оглядел комнату слева направо и убедился, что в палате находятся только пациент и Мона.

Мона стояла возле койки, открыв рот и вытянув руку вперед. Она не отрываясь смотрела на пациента.

– Он... – начал Антон, но не закончил вопроса, услышав, что звук никуда не делся. Звук прибора, регистрирующего сердцебиение, был таким пронзительным, а тишина настолько полной, что он слышал короткий ритмичный писк даже из коридора.

Кончики пальцев Моны касались той точки, где ключицы соединяются с грудиной, – точки, которую Лаура называла «ювелирной впадиной»: именно в ней покоилось золотое сердечко, подаренное ей Антоном на одну из годовщин свадьбы. Они не праздновали годовщины, но отмечали их по-своему. Может быть, и настоящие женские сердца поднимались к этой точке, когда они были напуганы, загнаны или напряжены, потому что в таких ситуациях Лаура касалась своими пальцами той же точки. Эта поза, так похожая на позу Лауры, отвлекла его внимание от всего остального. И даже когда Мона широко улыбнулась ему и шепотом, будто боясь разбудить пациента, произнесла несколько слов, ему померещилось, что слова эти прозвучали из другого места:

– Он заговорил. Он заговорил!

Катрина потратила три минуты, чтобы хорошо известными обходными путями пробраться в компьютерную систему Полицейского управления Осло, а вот найти записи допросов по делу о попытке изнасилования в отеле в Утте оказалось сложнее. Обязательная оцифровка всех звуковых и видеозаписей на пленочных носителях шла довольно быстро, но с каталогизацией дело обстояло значительно хуже. Катрина использовала для поиска все ключевые слова, какие смогла придумать: «Валентин Йертсен», «отель», «Утта», «изнасилование» и так далее, но поиск не дал результата. Она уже почти сдалась, когда внезапно помещение заполнил высокий мужской голос, полившийся из динамиков:

– Она ведь просила об этом.

Катрина почувствовала, как по телу побежали мурашки. Такое же ощущение бывало у нее, когда они с отцом сидели в лодке, а он спокойно сообщал, что у него клюет. Она не

знала почему, но была уверена, что это тот самый голос. Это был он.

– Интересно, – ответил другой голос. Низкий, почти вкрадчивый. Голос полицейского, которому необходимо добиться результата. – Почему ты так говоришь?

– Они просят об этом, разве нет? Разными способами. А после им становится стыдно, и они бегут в полицию. Но вам это и так известно.

– Значит, эта девочка в отеле в Утте попросила тебя об этом, я правильно понял?

– Она бы попросила.

– Если бы ты не взял ее до того, как она это сделала?

– Если бы я был там.

– Ты только что сознался, что был там в тот вечер, Валентин.

– Только чтобы ты рассказал мне об этом изнасиловании во всех подробностях. Знаешь, в тюрьме сидеть скучно. Надо... как можно лучше расцвечивать будни.

Молчание.

И веселый смех Валентина. Катрина поежилась и поплотнее завернулась в вязаную кофту.

– Кажется, ты продал масло, а... как там дальше говорится, начальник?

Катрина закрыла глаза и вызвала в памяти его лицо.

– Давай подождем с делом в Утте. А что скажешь насчет девочки в Маридалене, Валентин?

– А что с ней?

– Это ведь ты сделал, да?

Громкий смех.

– Надо тебе потренироваться получше, начальник. Стадия конфронтации на допросе должна быть как удар обухом по голове, а не как мягкая пощечина.

Катрина отметила, что словарный запас Валентина гораздо шире, чем у среднестатистических заключенных.

– Значит, ты не отрицаешь, что сделал это?

– Нет.

– Нет?

– Нет.

Катрина услышала дрожь возбуждения в голосе полицейского, когда он сделал вдох и, стараясь сохранять спокойствие, спросил:

– Означает ли это... что ты признаешься в изнасиловании и убийстве в Маридалене в сентябре?

Во всяком случае, он хорошо знал инструкции, потому что уточнил вопрос, на который, как он надеялся, Валентин ответит утвердительно, чтобы впоследствии адвокат обвиняемого не мог утверждать, что обвиняемый неправильно понял заданный на допросе вопрос или не понял, о каком деле шла речь. Но в голосе собеседника полицейского она услышала материнские нотки:

– Это означает, что мне нет нужды отрицать.

– Что...

– Слово начинается на «а», заканчивается на «и».

Короткая пауза.

– Откуда такая уверенность, что у тебя есть алиби на тот вечер, Валентин? Ведь это случилось довольно давно.

– Потому что я думал об этом, когда он мне рассказал. Думал о том, чем я занимался в то время.

– Кто тебе рассказал?

– Ну, тот, кто изнасиловал девочку.

Долгая пауза.

– Ты сейчас издеваешься над нами, Валентин?

– А ты как думаешь, полицейский Закриссон?

– Почему ты считаешь, что меня так зовут?

– Улица Снарливейен, сорок один, правильно?

Еще одна пауза. Снова смех и голос Валентина:

– А денег не получил, вот как говорится. Продал масло, а...

– Откуда ты узнал об этом изнасиловании?

– Это тюрьма для извращенцев, начальник. Как думаешь, о чем мы разговариваем? Thank you for sharing^[23], так мы это называем. Конечно, он думал, что не наболтал лишнего, но я ведь читаю газеты и хорошо помню то дело.

– Так кто, Валентин?

– Так когда, Закриссон?

– Что «когда»?

– Когда я могу рассчитывать выйти отсюда, если настучу тебе?

Катрина почувствовала желание перемотать многочисленные паузы.

– Я скоро вернусь.

Скрип стула. Мягкий хлопок двери.

Катрина ждала. Слышала дыхание мужчины. И заметила нечто удивительное: ей было тяжело дышать. Как будто вдохи, доносившиеся из динамиков, вытягивали воздух из ее гостиной.

Вряд ли полицейский отсутствовал более двух минут, но казалось, прошло полчаса.

– Хорошо, – произнес он, снова скрипнув стулом.

– Быстро обернулся. И мой срок сократится на?..

– Ты знаешь, что не мы устанавливаем продолжительность сроков, Валентин. Но мы поговорим с судьей, хорошо? Итак, что у тебя за алиби и кто изнасиловал девочку?

– Я весь вечер провел дома. Я был вместе с женщиной, у которой снимаю жилье, и, если ее не свалил Альцгеймер, она это подтвердит.

– А почему ты так хорошо это помнишь...

– Я запомнил даты изнасилований. И если вы не найдете счастливого случая сразу, то я знаю, что рано или поздно вы явитесь ко мне с вопросом, где я был.

– Ладно. А теперь вопрос на тысячу крон. Кто это сделал?

Ответ был произнесен медленно, с преувеличенно четкой дикцией:

– Ю-дас Ю-хансен. Так называемый старый знакомый полиции.

– Юдас Юхансен?

– Ты работаешь с преступлениями против нравственности и не знаешь такого заслуженного насильника, Закриссон?

Звук передвигаемых ног.

– Что заставляет тебя думать, будто я не знаю этого имени?

– Взгляд твой пуст, как маленький космос, Закриссон. Юхансен – это величайший насильничий талант со времен... ну, со времен меня. А внутри его сидит убийца. Он еще сам

об этом не знает, но это только вопрос времени, и убийца проснется, уж поверь мне.

Катрина представила себе, что слышит громкий щелчок нижней челюсти полицейского, потерявшей контакт с верхней. Она вслушивалась в потрескивавшую тишину. Ей казалось, она слышит, как участился пульс полицейского, как на лбу у него выступил пот, когда он попытался сдержать возбуждение и нервозность, поняв, что наступил миг, когда он совершит большой прорыв, следовательский подвиг.

– По-поче... – начал Закриссон.

Но его прервал рев, раздавшийся из динамиков. Катрина не сразу догадалась, что это смех. Смеялся Валентин. Постепенно оглушительный рев перешел в долгие всхлипывания.

– Да я шучу, Закриссон. Юдас Юхансен – гомик. Он сидит в соседней камере.

– Что?

– Хочешь послушать историю гораздо интереснее той, что рассказал ты? Юдас оттрахал мальчишку, и их застучала мать. К несчастью для Юдаса, мальчишка еще не рассказал родным о своей ориентации, а семья его была богатой и консервативной. И они заявили на Юдаса в полицию, обвинив его в изнасиловании. На Юдаса, который и мухи не обидит. Или как там говорится? Мухи, кошки. Кошки. Мухи. Да и фиг с ним. Как насчет того, чтобы пересмотреть его дело в обмен на каплю информации? Я могу рассказать, чем мальчишка занимался после этого случая. Надеюсь, предложение о скидке все еще действует, да?

Звук отодвигаемого стула. Удар стулом об пол. Щелчок и тишина. Записывающее устройство отключили.

Катрина сидела, уставившись на монитор компьютера. Она отметила, что за окном стало темно. Головы трески остыли.

– Да-да, – повторил Антон Миттет. – Он заговорил!

Антон стоял в коридоре, прижимая к уху телефон, и проверял удостоверения двух прибывших врачей. На их лицах было написано удивление, смешанное с раздражением: он ведь должен их помнить!

Антон пропустил их, и они поспешили в палату к пациенту.

– А что он сказал? – спросил Гуннар Хаген по телефону.

– Она только услышала, как он что-то пробормотал, но не расслышала, что именно.

– Он сейчас не спит?

– Нет, он только что-то пробормотал и снова отключился. Но врачи говорят, что теперь он может очнуться в любой момент.

– Вот как, – сказал Хаген. – Держи меня в курсе, хорошо? Звони в любое время. В любое время.

– Да.

– Хорошо. Хорошо. У больницы тоже есть приказ докладывать мне обо всех изменениях, но... у них есть о чем думать и кроме этого.

– Конечно.

– Да, правда ведь?

– Да.

– Да.

Антон слушал тишину. Гуннар Хаген собирался что-то сказать?

Начальник отдела повесил трубку.

Катрина приземлилась в аэропорту Гардермуэн в половине десятого, села на экспресс и проехала на нем через весь Осло. А точнее, под всем Осло. Одно время она жила здесь, но воспоминания, оставшиеся у нее об этом городе, трудно было назвать сентиментальными. Линия горизонта, напоминающая верхнюю половину сердечка. Низкие, уютные, покрытые снегом холмы, скупой пейзаж. Лица сидящих в вагоне поезда были невыразительными. Никакого спонтанного бесцельного общения незнакомых людей, к которому она так привыкла в Бергене. И вот на одном из самых дорогих железнодорожных путей в мире снова произошел сбой, и поезд застыл в крошечной тьме тоннеля.

Катрина обосновала свой рапорт о командировке в Осло тем, что в их собственном полицейском округе, в Хордаланне, произошло три нераскрытых изнасилования, имевших общие черты с преступлениями, в совершении которых подозревался Валентин Йертсен. Она аргументировала, что если им удастся повесить эти дела на Валентина, то они помогут Крипосу и полицейскому округу Осло в расследовании убийств полицейских.

– А почему мы не можем предоставить право разобраться в этом Полицейскому управлению Осло? – спросил ее начальник отдела по особо тяжким преступлениям против личности Управления полиции Бергена Кнут Мюллер-Нильсен.

– Потому что у них процент раскрываемости составляет двадцать и восемь, а у нас – сорок один и один.

Мюллер-Нильсен громко засмеялся, и Катрина поняла, что билет на самолет у нее в кармане.

Поезд рывком тронулся с места, и вагон наполнился вздохами облегчения, раздражения и расстройств. Катрина вышла из поезда в Сандвике и взяла такси до Эйксмарки.

Такси остановилось у дома 33 по улице Йёссингвейен. Катрина вышла из машины и оказалась посреди серости и слякоти. Не считая высокой решетки, окружавшей красное кирпичное здание, ничто не говорило о том, что в тюрьме и превентивном учреждении Ила содержались самые страшные убийцы, наркобароны и насильники страны. Помимо прочих. В уставе тюрьмы было записано, что она является национальным учреждением для содержания заключенных мужского пола, «испытывающих особую потребность в помощи».

Помощи для того, чтобы не сбежать, подумала Катрина. Помощи, чтобы не покалечить. Помощи в осуществлении того, что социологи и криминологи по какой-то причине считают желанием, присущим всему нашему виду: быть хорошими людьми, приносить пользу, стать частью общества, находящегося там, по ту сторону тюремной стены.

Катрина достаточно времени провела в психиатрическом отделении бергенской больницы и знала, что даже некриминальные лица с отклонениями совершенно не интересуются жизнью общества и не общаются ни с кем, кроме себя самих и своих демонов. И они хотят, чтобы все остальные оставили их в покое. Но это не означает, что сами они никого не хотят беспокоить.

Она вошла в шлюзовые двери, предъявила свое удостоверение и письмо с разрешением на посещение тюрьмы, которое она получила по электронной почте, и ее пропустили дальше, в здание.

Ожидавший ее надзиратель стоял, широко расставив ноги и сложив руки на груди, и побрякивал ключами. Хвастливость и напускная самоуверенность, сквозившие в его облике,

были вызваны тем, что посетитель являлся сотрудником полиции, то есть принадлежал к касте браминов хранителей общественного порядка и был одним из тех, кто заставлял тюремных надзирателей, сотрудников частных охранных фирм и даже парковщиков жестикулировать и разговаривать более напыщенно.

Катрина повела себя так, как всегда в подобных ситуациях: стала вежливее и дружелюбнее, чем в нормальной жизни.

– Добро пожаловать в клоаку, – сказал надзиратель.

Катрина была уверена, что обычных посетителей он встречает другими словами, а это предложение долго обдумывал: оно должно было выражать сбалансированное сочетание черного юмора и реалистичного цинизма по отношению к работе.

«А картинка не так уж плоха», – думала Катрина, шагая по тюремным коридорам. Возможно, их следовало назвать кишечником. В этом месте пищеварение закона переваривает осужденных индивидов до состояния коричневой вонючей массы, которая в один прекрасный момент выйдет отсюда. Все двери были заперты, коридоры пусты.

– Отделение для извращенцев, – сообщил надзиратель, отпирая очередную железную дверь в конце коридора.

– У них есть собственное отделение?

– Ага. Когда насильники собраны в одном месте, меньше вероятность, что соседи их прибьют.

– Прибьют? – Катрина притворилась удивленной, будто ничего не знала о подобном.

– Ага. Здесь насильников ненавидят так же, как и в обществе. Если не больше. А у нас тут имеются убийцы более импульсивные, чем мы с вами. Так что, если будет неудачный день... – Он выразительно провел ключом, который держал в руке, по горлу.

– Их убьют?! – выпалила Катрина с ужасом в голосе и на мгновение задумалась, не переигрывает ли.

– Ну, может, и не убьют. Но избыют точно. В нашем больничном отделении всегда лежат извращенцы с переломанными руками и ногами. Они говорят, что упали на лестнице или поскользнулись в душе. Даже настучать не могут. – Он запер дверь позади них и сделал вдох. – Чувствуете запах? Так пахнет семя на батарее. Запекается мгновенно. Запах как бы въедается в металл и не поддается удалению. Похоже на запах горелого человеческого мяса, да?

– Гомункул, – произнесла Катрина, втягивая в себя воздух.

Она ощутила только запах свежеекрашенных стен.

– Чего?

– В семнадцатом веке люди считали, что семя состоит из крошечных человечков, – ответила она, заметила косой взгляд надзирателя и поняла, что сделала неверный ход: надо было просто сделать вид, что она шокирована. – Итак, – поторопилась продолжить она, – Валентин спокойно сидел здесь вместе со своими единомышленниками?

Надзиратель отрицательно покачал головой:

– Пустили слух, что это он изнасиловал маленьких девочек в Маридалене и Триванне. А с заключенными, изнасиловавшими несовершеннолетних, дело обстоит совсем иначе. Даже несомненный насильник ненавидит тех, кто трахает детей.

– Значит, Валентина избили?

– Да, это точно.

– А этот слух... у вас есть соображения, кто мог его пустить?

– Ага, – ответил надзиратель, отпирая следующую дверь. – Это вы.

– Мы? Полиция?

– Был здесь один полицейский. Он делал вид, что допрашивает заключенных по поводу тех двух убийств. Но рассказывал он больше, чем спрашивал, насколько мне известно.

Катрина кивнула. Она слышала о том, что в случаях, когда полицейские были уверены, что один из заключенных совершил преступление в отношении ребенка, но не могли этого доказать, они прикладывали все усилия к тому, чтобы он был наказан другим способом. Надо было просто проинформировать нужных людей среди заключенных. Тех, кто обладал властью. Или, по крайней мере, был наиболее импульсивен.

– И вы не возражали?

Надзиратель пожал плечами:

– А что мы, надзиратели, можем поделать? – И тихо добавил: – А в этом конкретном случае мы, возможно, и не имели ничего против...

Они прошли мимо общей комнаты.

– Что вы хотите сказать?

– Валентин Йертсен был больным сукиным сыном, настоящим злом. Когда встречаешь такого человека, сразу задумываешься о том, что хотел сказать Всевышний, посылая его на землю. У нас тут была одна надзирательница, которую он...

– Привет, вот ты где.

Голос прозвучал мягко, и Катрина машинально повернулась влево. У доски для игры в дартс стояли двое мужчин. Она посмотрела в улыбающиеся глаза говорившего, худощавого мужчины лет тридцати. Последние оставшиеся светлые волосины на его красном черепе были зачесаны назад. Кожная болезнь, решила Катрина. А может, у них здесь имеется солярий, раз тут содержатся лица, особо нуждающиеся в помощи.

– Я уж и не думал, что ты когда-нибудь придешь.

Мужчина медленно выдергивал стрелы из мишени, не отводя взгляда от ее глаз. Он взял одну стрелу, воткнул ее в середину мишени цвета свежего мяса, прямо в яблочко, ослабил ее и стал раскачивать стрелу вверх-вниз, вгоняя ее все глубже. Потом он вытянул ее, издавая губами чавкающие звуки. Второй мужчина не рассмеялся, как ожидала Катрина. Вместо этого он озабоченно посмотрел на своего соперника по игре.

Надзиратель легко подхватил Катрину под локоть, чтобы увлечь за собой, но она освободилась, в то время как ее мозг активно перематывал события назад. Он отказывался принимать очевидное: связь между стрелами для игры в дартс и размерами половых органов.

– Может, не стоит так часто пользоваться ополаскивателем для волос?

Она быстро зашагала дальше, но отметила, что если и не попала в яблочко, то куда-то точно попала. Лицо мужчины покраснело, после чего он еще шире ухмыльнулся и отдал ей что-то вроде чести.

– А Валентин общался здесь с кем-нибудь? – спросила Катрина, пока надзиратель отпирал дверь в камеру.

– С Юнасом Юхансеном.

– Это его называют Юдасом?

– Точно. Отбывал срок за изнасилование мужчины. Таких уж точно не много.

– Где он сейчас?

– Совершил побег.

– Каким образом?

– Мы не знаем.

– Вы не знаете?!

– Послушайте, здесь полно мерзких подонков, но мы не являемся тюрьмой строгого режима, как Уллерсму. В этом отделении содержатся заключенные, отбывающие небольшие сроки. В деле Юдаса было несколько смягчающих обстоятельств. А Валентин сидел всего лишь за попытку изнасилования. Серийные насильники содержатся в других местах. Поэтому мы не злоупотребляем использованием своих ресурсов для наблюдения за теми, кто сидит в этом отделении. Мы каждое утро их пересчитываем, и изредка случается так, что кого-то недосчитываемся. Тогда всем приходится возвращаться в свои камеры, и мы выясняем, кого не хватает. Но если количество совпадает, то начинается обычная рутина. Когда мы обнаружили исчезновение Юдаса Юхансена, то сразу заявили в полицию. Я не слишком много об этом думал, потому что вскоре после этого у нас тут началась другое дело.

– Вы хотите сказать...

– Да. Убийство Валентина.

– Значит, когда оно произошло, Юнаса здесь не было?

– Точно.

– Как думаете, кто мог его убить?

– Не знаю.

Катрина кивнула. Он ответил слишком автоматически, слишком быстро.

– Я никому об этом не скажу, обещаю. Я спрашиваю: как вы думаете, кто убил Валентина?

Надзиратель втянул воздух сквозь зубы, оглядывая Катрину с ног до головы. Как будто проверял, есть ли в ней что-то, чего он не заметил при первом осмотре.

– Многие из местных обитателей ненавидели и смертельно боялись Валентина. Возможно, кто-то из них посчитал, что это сделал тот, кто хотел ему отомстить. Во всяком случае, тот, кто убил его, должен был ненавидеть его до помутнения рассудка. Валентин был... как бы это сказать? – Адамово яблоко надзирателя заходило вверх-вниз над воротничком униформы. – Его тело представляло собой желеобразную массу, я никогда такого не видел.

– Избит тупым предметом, наверное?

– Об этом мне ничего не известно, но, во всяком случае, избит он был до неузнаваемости. Вместо лица – каша. И если бы не мерзкая татуировка на груди, я не знаю, смогли бы мы его идентифицировать. Я не очень впечатлительный человек, но после увиденного у меня начались кошмары.

– Какого рода татуировка у него была?

– Какого рода?

– Да, что... – Катрина заметила, что вот-вот выйдет из роли дружелюбного полицейского, и взяла себя в руки, чтобы скрыть раздражение. – Что было изображено на татуировке?

– Ну, как сказать. Лицо. Крайне неприятное. Как будто растянутое в стороны. Как будто оно приклеилось к его груди и хотело оторваться.

Катрина медленно кивала:

– Вырваться из тела, в которое оно было заключено.

– Ага, вот-вот. Вы знаете?..

– Нет, – сказала Катрина и подумала: «Но мне знакомо это ощущение». – А Юдаса,

значит, вы так и не нашли?

– Это вы не нашли Юдаса.

– Ну ладно. Как вы думаете, почему нам это не удалось?

Надзиратель пожал плечами:

– Ну, я не знаю. Но понимаю, что типы вроде Юдаса для вас не являются первоочередной задачей. Как я говорил, в его деле были смягчающие обстоятельства, а вероятность рецидива минимальная. На самом деле его срок уже подходил к концу, но у этого идиота, видно, горячка началась.

Катрина кивала. Предвкушение освобождения. Оно наступает при приближении дня выхода из тюрьмы, когда заключенный начинает думать о свободе, и ему внезапно становится невыносимо от мысли, что придется провести в заключении еще один день.

– Кто-нибудь еще здесь может рассказать мне о Валентине?

Надзиратель отрицательно покачал головой:

– Кроме Юнаса, он ни с кем не общался. Да и с ним никто не хотел иметь дела. Черт, он пугал людей. Когда он входил в помещение, казалось, даже воздух сгустился.

Катрина задавала ему вопросы до тех пор, пока не поняла, что просто пытается оправдать потраченное время и деньги на билет.

– Вы начали рассказывать о том, что сделал Валентин, – напомнила она.

– Да? – ответил он быстро, бросив взгляд на часы. – Ух ты. Мне надо...

По дороге обратно через общую комнату Катрина увидела только худощавого мужчину с красным черепом. Он стоял прямо, опустив руки, и пялился на пустую мишень. Стрел нигде не было. Он медленно повернулся, и Катрина не смогла не ответить на его взгляд. Ухмылка исчезла с его лица, а глаза стали вялыми и серыми, как медуза.

Он что-то прокричал. Четыре слова. И повторил их. Громко и пронзительно, как птица, предупреждающая об опасности. После чего рассмеялся.

– Не обращайтесь на него внимания, – сказал надзиратель.

Смех постепенно затихал у них за спиной, пока они быстро шли по коридорам.

И вот она уже оказалась на улице, вдыхая насыщенный дождем сырой воздух.

Катрина достала телефон, отключила диктофон, включенный с момента ее прибытия в тюрьму, и позвонила Беате.

– Я закончила в Иле, – сказала она. – Время есть?

– Включаю кофеварку.

– Э-э-э-э. А у тебя нет...

– Ты работаешь в полиции, Катрина. И ты пьешь кофе из кофеварки, понятно?

– Слушай, я обычно ела в «Кафе Сара» на улице Торггата, а тебе не помешает выбраться из лаборатории. Пойдем пообедаем. Я плачу.

– Конечно платишь.

– Что-что?

– Я нашла ее.

– Кого?

– Ирью Якобсен. И если мы поторопимся, то застанем ее в живых.

Они договорились встретиться через три четверти часа. В ожидании такси Катрина прослушивала запись на диктофоне. Краешек телефона с микрофоном чуть-чуть высовывался из ее кармана, и она удостоверилась, что с парой хороших наушников запросто расшифрует все сказанное надзирателем. Она промотала запись к концу и проиграла место,

для прослушивания которого наушники не требовались.

Предупредительный крик красного черепа:

– Валентин жив! Валентин убивает! Валентин жив! Валентин убивает!

– Он проснулся сегодня утром, – сказал Антон Миттет, торопливо шагая вместе с Гуннаром Хагеном по коридору.

Заметив их приближение, Силье поднялась со стула.

– Можешь идти, Силье, – сказал Антон. – Я заступаю.

– Но ваше дежурство начинается только через час.

– Я сказал, можешь идти. Отдыхай.

Она бросила на Антона оценивающий взгляд. Затем посмотрела на второго мужчину.

– Гуннар Хаген, – произнес он, протягивая ей руку. – Начальник отдела по расследованию убийств.

– Я знаю, кто вы, – сказала она, пожимая его руку. – Силье Гравсенг. Надеюсь однажды работать у вас.

– Отлично, – ответил он. – Тогда можешь начать с выполнения распоряжения Антона.

Она кивнула Хагену:

– В моей инструкции записано ваше имя, поэтому, конечно...

Антон смотрел, как она складывает свои вещи в сумку.

– Кстати, сегодня последний день моей практики, – сказала она. – Теперь пора начинать думать об экзаменах.

– Силье – аспирант в Полицейской академии, – пояснил Антон.

– Слушатель Полицейской академии, так теперь говорят, – поправила его Силье. – У меня есть один вопрос, господин начальник отдела.

– Да? – сказал Хаген, криво улыбаясь в ответ на такое титулование.

– На вас работал один легендарный человек. Харри Холе. Говорят, что он никогда не совершал ошибок. И раскрывал все убийства, расследованием которых занимался. Это правда?

Антон предупреждающе кашлянул и взглянул на Силье, но она не обратила на него внимания.

Кривая улыбка Хагена выпрямилась и сделалась шире.

– Прежде всего, у человека на совести могут быть нераскрытые убийства, несмотря на то что он не совершал ошибок. Или нет?

Силье Гравсенг не ответила.

– Что же касается Харри и нераскрытых убийств... – Он почесал подбородок. – Ну, в общем-то, вы правы. Весь вопрос в том, как на это посмотреть.

– Посмотреть?

– Он приехал домой из Гонконга, чтобы расследовать убийство, в котором подозревался его приемный сын. И хотя он добился освобождения Олега и в том преступлении сознался другой, обстоятельства убийства Густо Ханссена так до конца и не прояснились. Во всяком случае, не на официальном уровне.

– Спасибо, – сказала Силье и быстро улыбнулась.

– Удачи в карьере, – пожелал Гуннар Хаген.

Гуннар Хаген стоял и смотрел ей вслед, пока она не скрылась в конце коридора. Не столько потому, что мужчинам всегда хочется посмотреть вслед красивой молодой девушке, а

для того, чтобы оттянуть еще на пару секунд предстоящее дело, подумал Антон. Он заметил, что начальник отдела нервничает. И вот Хаген повернулся к закрытой двери. Застегнул мундир. Покачался на кончиках пальцев, как теннисист, ожидающий подачи соперника.

– Ну, я пошел.

– Давай, – сказал Антон. – Я тут прослежу за всем.

– Да, – ответил Хаген. – Да.

В середине ланча Беата спросила Катрину, занимались ли они с Харри сексом в тот раз.

Во вступительной части их беседы Беата рассказала, как один из полицейских агентов узнал фотографию женщины, давшей ложные показания, – Ирри Якобсен. По его словам, она редко выходит на улицу и проживает вместе с некоторыми другими людьми недалеко от площади Александра Хелланда. За их квартирой приглядывали, поскольку там торговали амфетамином. Но Ирри не представляла никакого интереса для полиции, она ничего не продавала и в худшем случае была покупателем.

Их разговор, пройдя через фазы обсуждения работы и личной жизни, обратился к теме старых добрых дней. Катрина вынужденно отнекивалась, когда Беата заявила, что в тот раз, когда Катрина стремительно промчалась по коридору, весь убойный отдел просто шею свернул, глядя на нее. При этом Катрина подумала, что таким образом женщины ставят друг друга на место, подчеркивая, какой красивой *была когда-то* их собеседница. Особенно если она никогда не была такой уж красивой. Но несмотря на то, что вслед Беате никогда не смотрели, сворачивая шею, отравленные стрелы ей в спину тоже не летели. Она была тихой, легко краснеющей, работающей на износ, лояльной. Она всегда играла чисто. Но что-то изменилось. Может, дело было в бокале белого вина, которым они себя наградили, но Беата раньше никогда не задавала таких откровенных вопросов.

Во всяком случае, Катрина порадовалась, что рот ее забит пищей и она может просто помотать головой.

– Ну ладно, – произнесла она, проглотив кусок. – Признаюсь, у меня мелькали такие мысли. Харри что-нибудь говорил об этом?

– Харри рассказывал мне почти все, – ответила Беата, поднимая бокал с последними каплями вина. – Просто мне было интересно, врал он или нет, когда говорил, что между вами ничего не было...

Катрина жестом попросила счет.

– А почему ты решила, что у нас был секс?

– Я видела, как вы смотрели друг на друга. Слышала, как разговариваете.

– Мы с Харри ругались, Беата!

– Вот именно.

Катрина рассмеялась:

– А как насчет тебя и Харри?

– Харри? Невозможно. Мы слишком хорошие друзья. А потом, я ведь стала жить с Халворсеном...

Катрина кивнула. Напарник Харри, молодой следователь из Стейнкьера, успел сделать Беате ребенка до того, как погиб при исполнении служебного долга.

Пауза.

– Что это было?

Катрина пожала плечами. Достала телефон и проиграла конец записи.

– В Иле много ненормальных, – сказала Беата.

– Я сама лежала в психиатрическом отделении и знаю, с кем имею дело, – ответила Катрина. – Но вот что удивительно: как он понял, что я приехала туда из-за Валентина?

Антон Миттет сидел на стуле, смотрел, как к нему приближается Мона, и наслаждался зрелищем. Он думал, что, возможно, видит ее в последний раз.

Она уже издалека начала ему улыбаться. Он видел, как она ставит одну ножку перед другой, словно вышагивает по прямой линии. Может, она просто так ходит. А может, идет так специально ради него. И вот она дошла, машинально бросила взгляд назад, чтобы убедиться, что за ней никто не следует, и провела рукой по его волосам. Не вставая со стула, он положил руки ей на бедра и поднял глаза.

– Ну? – сказал он. – Тебе досталось и это дежурство?

– Да, – ответила она. – Мы лишились Алтмана, его перевели обратно в онкологию, вот так.

– Значит, мы будем чаще видеть тебя, – улыбнулся Антон.

– Не обязательно, – возразила Мона. – Анализы показывают, что этот пациент скоро совсем поправится.

– Но мы еще увидимся до того времени.

Он произнес это игривым тоном, но он не шутил. И она это знала. Не оттого ли она застыла, улыбка ее превратилась в гримасу и она выскользнула из его захвата, оглядываясь назад, чтобы дать ему понять, что их могут увидеть? Антон выпустил ее.

– Сейчас у него начальник убойного отдела.

– Что он там делает?

– Разговаривает с ним.

– О чем?

– Этого я сказать не могу, – ответил он.

Вместо того чтобы сказать: «Этого я не знаю». Господи, как же он важничает.

В тот же миг дверь распахнулась, и из палаты вышел Гуннар Хаген. Он остановился, переводя взгляд с Моны на Антона и обратно на Мону. Как будто на их лицах были написаны зашифрованные сообщения. Мона покраснела, как маков цвет, и прошмыгнула в дверь палаты за спиной у Хагена.

– Ну как? – спросил Антон, стараясь казаться невозмутимым.

И тотчас понял, что взгляд Хагена не был взглядом понимающего человека, он был взглядом непонимающего. Хаген пялился на Антона, как будто тот был марсианином. Он смотрел растерянным взглядом человека, все представления о жизни которого только что были вывернуты наизнанку.

– За ним... – Хаген указал большим пальцем на дверь за своей спиной. – За ним ты должен очень хорошо приглядывать, Антон. Ты слышишь? Очень хорошо следить.

Антон слышал, как он возбужденно бормотал последние слова себе под нос, быстрыми шагами удаляясь по коридору.

Увидев лицо женщины, Катрина сначала подумала, что ошиблась дверью, что старушка с седыми волосами и ввалившимися щеками не может быть Ирью Якобсен.

– Что вам нужно? – спросила она, подозрительно оглядывая визитеров.

– Это я вам звонила, – сказала Беата. – Мы хотим поговорить о Валентине.

Женщина захлопнула дверь.

Беата немного подождала, пока звук шагов женщины не стих внутри квартиры, а потом нажала на ручку двери и открыла ее.

На крючках в коридоре висела одежда и пластиковые пакеты. Всегда эти пакеты. Почему у наркоманов всегда полно пластиковых пакетов? Почему они упорствуют в том, чтобы все их пожитки складировались, хранились и перевозились в самой хрупкой и ненадежной упаковке? Почему они крадут мопеды, вешалки и чайные сервизы, что угодно, только не чемоданы и не сумки?

В квартире было грязно, но все же не так, как в большинстве наркоманских притонов, которые видела Катрина. Возможно, хозяйка дома, Ирья, установила определенные границы и следила за своей квартирой. Катрина исходила из того, что Ирья живет одна. Она проследовала в гостиную вслед за Беатой. На старом, но целом диване лежал мужчина и спал. Наверняка под кайфом. Пахло потом, куревом, деревом, пропитанным пивом, и еще чем-то сладковатым, что Катрина не могла да и не хотела определять. Вдоль стены стояли неперенные атрибуты притона в виде украденных вещей, таких как стопки детских досок для серфинга. Каждая из них была упакована в прозрачный пластик, на всех была изображена акула с открытой пастью, а на конце нарисованы черные следы от ее укусов, как будто акула откусила кусочек доски. Одному богу известно, как они собирались продавать все это.

Беата и Катрина прошли дальше в кухню, где Ирья, сидя за маленьким столиком, крутила самокрутку. Стол был покрыт маленькой скатертью, а на подоконнике стояла сахарница, из которой торчали искусственные цветы.

Катрина и Беата уселись напротив нее.

– Они ездят не переставая, – сказала Ирья, кивнув на оживленную улицу Уэлланн за окном. Голос ее обладал скрипучей хрипотцой, как и ожидала Катрина, увидев квартиру и лицо старушки тридцати с небольшим лет. – Ездят и ездят. Куда они все едут?

– Домой, – предположила Беата. – Или из дома.

Ирья пожала плечами.

– Вы ведь тоже не дома, – сказала Катрина. – Адрес в Регистре населения...

– Я продала свой дом, – ответила Ирья. – Он достался мне по наследству. Он был слишком большим. Слишком...

Она высунула сухой белый язык и провела им по бумаге для самокруток, а тем временем Катрина про себя закончила за нее: «Слишком велико было искушение продать его, потому что социального пособия уже не хватало на наркотики».

– Слишком много плохих воспоминаний, – закончила Ирья.

– Каких воспоминаний? – спросила Беата, и Катрина поежилась.

Беата была криминалистом, а не специалистом по ведению допросов, и сейчас она задала слишком всеобъемлющий вопрос, попросила рассказать обо всей жизненной

трагедии. А никто не умеет рассказывать так основательно и долго, как наркоман, испытывающий сострадание к самому себе.

– О Валентине.

Катрина выпрямилась. Возможно, Беата все-таки знает, что делает.

– Что он сделал?

Ирья снова пожала плечами:

– Он снимал квартиру в цокольном этаже. Он... был там.

– Был там?

– Вы не знаете Валентина. Он другой. Он... – Она постукивала по самокрутке, не прикуривая. – Он...

Постукивала и постукивала.

– Он был сумасшедшим? – предположила Катрина нетерпеливо.

– Нет! – Ирья яростно отбросила зажигалку.

Катрина выругалась про себя. Теперь она повела себя как любитель, задав наводящий вопрос, оборвавший поток информации, которую они могли бы получить.

– Все говорят, что Валентин был сумасшедшим! Он не такой! Просто он делает что-то... – Она посмотрела в окно на улицу. Голос ее стал тише. – Он делает что-то с воздухом. Люди его боятся.

– Он бил вас? – спросила Беата.

Еще один наводящий вопрос. Катрина попробовала поймать взгляд Беаты.

– Нет, – ответила Ирья. – Он не бил. Он душил меня, если я ему перечила. Он был таким сильным, мог взять меня за горло одной рукой, сжать ее и держать так, пока все не начинало кружиться у меня перед глазами. Эту руку невозможно было разжать.

Катрина подумала, что улыбка, расплывшаяся по лицу Ирьи, чем-то сродни черному юмору. Пока Ирья не продолжила:

– Но самое странное, что я от этого тащилась. И возбуждалась.

Лицо Катрины исказилось произвольной гримасой. Она читала, что недостаток кислорода в мозге способен оказывать на некоторых такое воздействие, но чтобы по отношению к насильнику?..

– А потом вы занимались сексом? – спросила Беата.

Она наклонилась и подняла с пола зажигалку, зажгла огонь и протянула Ирье. Ирья спешно зажала самокрутку губами, втянула в себя непослушное пламя, выпустила облако дыма, откинулась на стуле и словно сложилась, как будто тело ее было мешком с вакуумом, в котором сигарета только что прожгла дыру.

– Он не всегда хотел трахаться, – сказала Ирья. – Тогда он уходил. А я сидела и ждала, надеялась, что он скоро вернется.

Катрине пришлось собраться, чтобы не фыркнуть или каким-либо другим способом не выдать своего презрения.

– А что он делал, когда уходил?

– Не знаю. Он ничего не рассказывал, а я... – Она снова пожала плечами.

«Пожатие плечами – это ее отношение к жизни, – подумала Катрина. – Смирение в качестве болеутоляющего».

– Я не хотела знать, наверное.

Беата кашлянула:

– Вы предоставили ему алиби на те два вечера, когда были убиты девочки. Маридален

и...

– Да-да, тра-ля-ля, – прервала ее Ирья.

– Но в те вечера он не был с вами дома, как вы показали на допросах, так ведь?

– Я, мать твою, уже не помню. У меня был приказ.

– Какой именно?

– Валентин сказал то же самое той ночью, когда мы впервые были вместе... ну, знаете.

Что полиция будет задавать мне подобные вопросы каждый раз, как произойдет изнасилование, просто потому, что его подозревали в совершении преступления, за которое не смогли осудить. И что, если у него не будет алиби в новом деле, они постараются осудить его независимо от того, виновен он или нет. Он сказал, что полицейские обычно так поступают с людьми, которые, по их мнению, избежали наказания по другим делам. Поэтому я должна была клятвенно заверить полицию, что он был дома, про какое бы время меня ни спросили. Это избавит нас обоих от многих бед и от потерянного времени, вот что он сказал. Makes sense^[24], подумала я.

– И вы действительно верили, что он был неповинен во всех тех изнасилованиях? – спросила Катрина. – Хотя знали, что он насиловал и раньше.

– Да не знала я, мать твою! – прокричала Ирья, и из гостиной раздалось тихое похрюкивание. – Ничего я не знала!

Катрина хотела надавить на нее, но Беата под столом ущипнула ее за колено.

– Ирья, – произнесла Беата мягко. – Если вы ничего не знали, почему захотели поговорить с нами сейчас?

Ирья посмотрела на Беату, снимая воображаемые волокна табака с белого кончика языка. Размышляла. Решилась.

– Его ведь осудили. За попытку изнасилования, верно? А когда я убирала квартиру, чтобы сдать ее другому съемщику, я нашла эти... эти... – Казалось, что голос ее внезапно без всякого предупреждения ударился о стену и застрял в ней. – Эти... – На больших глазах с красными полопавшимися сосудами выступили слезы. – Эти фотографии.

– Какие фотографии?

Ирья шмыгнула носом:

– Девушек. Молодых девушек, почти девочек. Связанных и с этими штуками во рту..

– Тряпками? Кляпами?

– Кляпами, точно. Они сидели на стульях или на кроватях. На простынях была видна кровь.

– А Валентин? – спросила Беата. – Он был на тех фотографиях?

Ирья отрицательно покачала головой.

– Значит, они могли быть постановочными, – сказала Катрина. – В сети ходят так называемые фотографии изнасилований, сделанные профессионалами специально для тех, кого такое интересует.

Ирья снова покрутила головой:

– Они были слишком напуганы. Это читалось в их глазах. Я... узнала страх перед тем, как Валентин собирался... хотел...

– Катрина говорит, что совсем не обязательно эти фотографии были сделаны Валентином.

– Ботинки, – всхлипнула Ирья.

– Что?

– У Валентина были такие ковбойские ботинки с длинными острыми носами и пряжкой сбоку. На одной из фотографий видны эти ботинки на полу рядом с кроватью. И тогда я поняла, что это может быть правдой. Что он действительно мог насилловать, как про него и говорили. Но не это хуже всего...

– Вот как?

– За кроватью видны обои. И это были именно те обои с тем же самым рисунком. Фотографии были сделаны в квартире на цокольном этаже. В кровати, где мы с ним... – Она зажмурила глаза, выжав из них две малюсенькие капельки жидкости.

– И что вы сделали?

– А вы как думаете? – просипела Ирья, вытирая рукой нос. – Я пошла к вам! К вам, кто как бы должен защищать нас.

– И что мы сказали? – спросила Катрина, не сумев скрыть неохоту, с которой задавала этот вопрос.

– Вы сказали, что разберетесь. И отправились с этими фотографиями к Валентину, но ему, конечно, удалось отбрехаться от них. Он сказал, что это была такая игра по обоюдному согласию, что он не помнит, как звали тех девочек, что он больше никогда их не видел. Потом он поинтересовался, заявил ли на него кто-нибудь из них. Они не заявляли, на этом дело и кончилось. То есть оно кончилось для вас. А для меня оно только началось...

Она осторожно провела костяшками указательных пальцев под глазами, наверняка думая, что у нее накрашены глаза.

– Да?

– Заключенным позволено совершать из Илы один телефонный звонок в неделю. Мне по телефону сообщили, что он хочет со мной поговорить. И я навестила его.

Катрине уже не было нужды слушать продолжение.

– Я сидела в комнате для свиданий и ждала его. А когда он вошел, стоило ему только посмотреть на меня, как мне уже померещилось, что он снова сжимает своей ручищей мое горло. У меня дыхание перехватило. Он сел и заявил, что, если я хоть слово скажу кому-нибудь о договоренности насчет алиби, он меня убьет. Что, если я вообще буду говорить с полицией о чем угодно, он меня убьет. И что если я думаю, что он надолго задержится в тюрьме, то я ошибаюсь. Потом он встал и вышел. И у меня не осталось никаких сомнений. Пока я знаю то, что знаю, он все равно меня убьет при первой же возможности. Я поехала домой, заперла все двери и проплакала три дня. На четвертый день мне позвонила так называемая подруга и попросила денег в долг. Она регулярно просила у меня денег – подсела на какой-то героиновый наркотик, только что появившийся на рынке, его позже назвали «скрипкой». И я обычно просто клала трубку, но в тот раз поступила иначе. Следующим вечером она уже сидела у меня дома и помогала сделать мой первый укол, я тогда вообще впервые за всю жизнь попробовала наркотик. О господи, и это помогло. «Скрипка»... все проблемы были решены... это...

Катрина заметила отблеск старой влюбленности во взгляде опустившейся женщины.

– И вы тоже подсели, – сказала Беата. – Вы продали дом...

– Не только из-за денег, – ответила Ирья. – Мне надо было убежать. Спрятаться от него. Все, что могло привести его ко мне, надо было уничтожить.

– Вы перестали пользоваться кредиткой, не зарегистрировались по новому адресу, – перечислила Катрина. – Вы даже не стали получать социальное пособие.

– Конечно не стала.

– Даже после смерти Валентина.

Ирья не ответила. Она сидела не моргая, совершенно неподвижно, а дым от сгоревшей самокрутки, зажатой между желтыми от никотина пальцами, поднимался к потолку. Катрине она показалась похожей на зверька, выхваченного из тьмы автомобильными фарами.

– Наверное, узнав об этом, вы испытали облегчение? – осторожно спросила Беата.

Ирья механически покачала головой, как китайский болванчик:

– Он не умер.

Катрина тотчас поняла, что она не шутит. Что она сказала о Валентине в самом начале? «Вы не знаете Валентина. Он другой». Не «он был другим», а «он другой».

– Как думаете, почему я вам рассказываю все это? – Ирья потушила окурок о столешницу. – Он приближается. С каждым днем он все ближе, я чувствую. Иногда по утрам я просыпаюсь, ощущая его руку у себя на горле.

Катрина хотела сказать, что это называется паранойя и неотрывно следует за героином, но внезапно потеряла уверенность. А когда голос Ирьи опустился до низкого шепота, а взгляд обшарил все темные углы комнаты, Катрина тоже это почувствовала. Руку на горле.

– Вы должны найти его. Пожалуйста. До того, как он найдет меня.

Антон Миттет посмотрел на часы. Половина седьмого. Он зевнул. Мона пару раз заходила к пациенту с одним из врачей. Больше ничего не происходило. Когда так сидишь, появляется много времени для размышлений. Даже слишком много. Потому что через какое-то время мысли становятся негативными. И вероятно, все было бы ничего, если бы с теми негативными вещами, о которых он думал, можно было бы что-то сделать. Но драмменского дела было не изменить, как и решения не сообщать о дубинке, которую он нашел тогда в лесу недалеко от места преступления. Он не мог вернуться назад во времени, чтобы не говорить и не делать того, что ранило Лауру. И он был не в состоянии по-другому провести первую ночь с Моной. И вторую тоже.

Он вздрогнул. Что это? Звук? Кажется, он раздался где-то в глубине коридора. Антон напряженно прислушался. Теперь все было тихо. Но звук точно был, а ведь, помимо равномерного писка машины, фиксирующей удары сердца в палате у пациента, здесь *не должно* было быть никаких звуков.

Антон беззвучно поднялся, расстегнул ремешок, блокирующий в кобуре служебный пистолет, вынул его и снял с предохранителя. «За ним ты должен очень хорошо приглядывать, Антон».

Он ждал, но никто не появлялся. И он медленно пошел по коридору. По дороге Антон дергал ручки всех дверей, но все они были заперты, как и положено. Он повернул за угол и осмотрел расстилающийся перед ним ярко освещенный коридор. И там никого не было. Он снова остановился и прислушался. Ничего. Скорее всего, ничего и не было. Антон засунул пистолет назад в кобуру.

Ничего не было? Ну нет. Что-то вызвало волну воздуха, долетевшую до чувствительной мембраны его уха и заставившую ее дрожать, только и всего, но этого было достаточно для того, чтобы нервы зарегистрировали это и послали сигнал в мозг. Неоспоримый факт. Однако вызвать волну воздуха могли тысячи разных причин. Мышь или крыса. Громко лопнувшая лампочка. Снизившаяся под вечер температура, из-за которой деревянные конструкции здания начали сжиматься. Птица, ударившаяся об окно.

Только теперь, успокоившись, Антон обратил внимание на то, как ускорился его пульс.

Надо бы снова начать заниматься спортом. Привести себя в форму. Вернуть себе тело, то тело, которое было настоящим им.

Он уже собирался вернуться обратно, как вдруг подумал, что раз уж он здесь, то может взять себе чашечку кофе. Он подошел к красной кофеварке «эспрессо» и выдвинул ящичек с кофейными капсулами. Из него выпала одинокая зеленая капсула с блестящей крышечкой, на которой было написано: «Fortissio Lungo». И его осенило: а не мог ли этот звук быть издан тем, кто пробирался сюда и воровал их кофе, ведь этот ящичек вчера был полон? Он установил капсулу в кофеварку, но внезапно до него дошло, что упаковка капсулы нарушена. То есть капсулу уже использовали. Впрочем, нет, на крышечке использованных капсул при повторном заклеивании появляется нечто вроде шахматного узора. Антон включил кофеварку. Раздалось гудение, и в тот же миг он понял, что это гудение на протяжении ближайших двадцати секунд будет заглушать все другие тихие звуки. Он сделал два шага назад, чтобы быть хоть немного подальше от шума.

Когда чашка наполнилась, он посмотрел на кофе. Черный и красивый. Капсулу раньше не использовали.

В ту секунду, когда из кофеварки в чашку упала последняя капля, ему показалось, что он снова слышал звук. Такой же звук. Но на этот раз он раздался с другой стороны – со стороны палаты пациента. Неужели он по дороге что-то пропустил? Антон переложил чашку кофе в левую руку, снова вынул пистолет и пошел обратно длинными размеренными шагами. Он пытался держать чашку в равновесии, не глядя на нее, и чувствовал, как горячий напиток жжет ему руку. Он завернул за угол. Никого. Антон выдохнул, подошел к стулу и уже хотел сесть, но внезапно замер. Он подошел к двери в палату пациента и открыл ее.

Пациента не было видно, мешало одеяло.

Но звуковой сигнал от машины, регистрирующий удары сердца, был равномерным, и Антон разглядел, как по зеленому экрану слева направо шла линия и подпрыгивала всякий раз в такт гудению.

Антон уже собрался закрыть дверь.

Но что-то заставило его передумать.

Он вошел в палату, оставив дверь открытой, и обошел вокруг кровати.

Заглянул в лицо пациенту.

Это был он.

Антон нахмурился и наклонился к лицу пациента. Он что, не дышит?

Нет, вот оно. Движение воздуха и удушающий сладковатый запах, возможно вызванный лекарствами.

Антон Миттет вышел из палаты и закрыл за собой дверь. Он посмотрел на часы. Выпил кофе. Снова посмотрел на часы, отметив, что считает минуты и что ему хочется, чтобы это конкретное дежурство поскорее закончилось.

– Как хорошо, что он согласился поговорить со мной, – сказала Катрина.

– Согласился? – спросил надзиратель. – Да большинство парней из этого отделения отдадут правую руку за то, чтобы провести несколько минут в отдельной комнате с женщиной. Рико Хэррем – потенциальный насильник. Вы уверены, что не хотите, чтобы в комнате находился кто-то еще?

– Я могу позаботиться о себе.

– Так же говорила и наш зубной врач. Ну ладно, вы, по крайней мере, в брюках.

– В брюках?

– На ней была юбка и нейлоновые чулки. Она усадила Валентина в кресло без присутствия надзирателя. Сами можете вообразить...

Катрина вообразила.

– Она заплатила цену за то, что оделась как... Вот мы и пришли! – Он отпер дверь камеры и открыл ее. – Я буду здесь, просто крикните, если что-нибудь пойдет не так.

– Спасибо, – сказала Катрина.

– Вот, возьмите. – Рико Хэррем поднялся, протягивая ей стул, а сам отошел и сел на убранную кровать. На приличном расстоянии.

Катрина уселась и ощутила тепло его тела, все еще хранимое сиденьем. Рико отодвинулся подальше, когда она подвинула стул чуть ближе, и Катрине подумалось, что, возможно, он из тех, кто в действительности боится женщин. Что именно поэтому он не насиловал их, а наблюдал за ними. Оголялся перед ними. Звонил им и рассказывал обо всем, что хотел с ними сделать, но, естественно, не решался. Список преступлений Рико Хэррема был скорее омерзительным, чем пугающим.

– Вы кричали мне вслед, что Валентин не умер, – сказала она, наклонившись вперед.

Он снова отодвинулся. Язык его тела был оборонительным, но улыбка не изменилась: наглая, полная ненависти, сальная.

– Что вы хотели этим сказать? – спросила Катрина.

– А ты как думаешь, Катрина? – произнес он в нос. – Что он жив, вероятно.

– Валентина Йертсена нашли мертвым здесь, в тюрьме.

– Да, все в это верят. А этот тип снаружи рассказал тебе, что сделал Валентин с зубной врачом?

– Сказал что-то про юбку и нейлоновые чулки. Вы ведь от этого возбуждаетесь.

– Валентин возбуждается. В буквальном смысле. Она обычно приходила сюда два раза в неделю. В то время многие жаловались на зубную боль. Валентин, угрожая ее собственной бормашиной, заставил ее снять нейлоновые чулки и надеть себе на голову. Он оттрахал ее в зубо врачебном кресле. Но, как он объяснил позже, она просто лежала, как тушка. Наверное, ей дали неправильный совет на случай, если произойдет подобное. И Валентин достал зажигалку, и да, он возбуждается от вида нейлоновых чулок. Ты видела, как плавится горящий нейлон? В ней была адская жажда жизни. Крики и дикие вопли. Запах лица, сплавленного с нейлоном, стоял в той комнате несколько недель. Не знаю уж, куда она подевалась потом, но, думаю, ей больше не стоит бояться изнасилования.

Катрина посмотрела на него. «Распетушился», – подумала она. У него было лицо человека, которого так часто били, что ухмылка стала его автоматической защитной реакцией.

– Если Валентин не умер, то где же он тогда? – спросила она.

Ухмылка стала шире. Он натянул одеяло на колени.

– Будьте так добры, скажите, если я теряю время, Рико, – вздохнула Катрина. – Я провела так много времени в психиатрическом отделении, что психи навевают на меня скуку. Ладно?

– Ты ведь не думаешь, что я бесплатно поделюсь с тобой такой информацией, а, начальник?

– Моя должность называется следователь по особым делам. И какова же цена? Сокращение срока?

– Я выхожу на следующей неделе. Мне нужно пятьдесят тысяч крон.

Катрина звонко и добродушно рассмеялась. Так добродушно, как только могла. И в его взгляде проступила ярость.

– Ну, тогда мы закончили, – сказала она и поднялась.

– Тридцать тысяч, – произнес он. – Я совсем на нуле, а когда выйду отсюда, мне надо купить билет на самолет, чтобы улететь куда подальше.

Катрина покачала головой:

– Мы платим информаторам только в тех случаях, когда речь идет о сведениях, способных пролить совершенно новый свет на дело. На *большое* дело.

– А что, если это как раз такое дело?

– Мне все равно пришлось бы разговаривать со своим начальством. Но мне казалось, вы что-то собирались рассказать мне. Я здесь не для того, чтобы вести с вами переговоры о том, чего я не могу вам дать.

Она подошла к двери и подняла руку, чтобы постучать.

– Подожди, – сказал красный череп. Голос у него стал тонким. Он подтянул одеяло к самому подбородку. – Я могу кое-что рассказать...

– Как я уже говорила, мне нечего предложить вам взамен. – Катрина постучала в дверь.

– Ты знаешь, что это такое?

Он держал в руке инструмент цвета меди, при виде которого сердце Катрины сбилось с ритма. Но вскоре она поняла: то, что она на несколько наносекунд приняла за дуло пистолета, всего лишь машинка для нанесения татуировок, из кончика которой торчит иголка.

– В этом заведении наколки делаю я, – сказал он. – И чертовски неплохо. А ты, наверное, знаешь, как они идентифицировали труп Валентина, когда нашли его?

Катрина посмотрела на него. На сужившиеся, полные ненависти глаза. На тонкие влажные губы. На красную кожу, проступающую под жидкими волосами. Татуировка. Лицо демона.

– Мне по-прежнему нечего дать вам взамен, Рико.

– Ты могла бы... – Он скорчил гримасу.

– Да?

– Если бы ты расстегнула блузку, я бы увидел...

Катрина с недоумением оглядела себя.

– Вы имели в виду... их?

Она положила руки снизу под груди и почувствовала волну жара, исходящую от мужчины на койке.

Снаружи донесся скрежет ключа в замке.

– Надзиратель, – произнесла она, не отводя взгляда от Рико Хэррема. – Дайте нам, пожалуйста, еще несколько минут.

Скрежет прекратился, надзиратель что-то сказал, и она услышала звук удаляющихся шагов.

Адамово яблоко на горле Рико было похоже на маленького пришельца, который дергался вверх-вниз, стараясь выбраться на волю.

– Продолжайте, – сказала Катрина.

– Только после...

– Вот мое предложение. Блузка останется застегнутой. Но я сожму один сосок, и вы увидите, как он набухнет. И если вы расскажете мне что-нибудь интересное...

– Да!

– Если вы шевельнетесь, сделка отменяется. Хорошо?

– Хорошо.

– Итак. Говорите.

– Это я изобразил лицо демона на его груди.

– Здесь? В тюрьме?

Он извлек из-под одеяла лист бумаги.

Катрина двинулась в его сторону.

– Стоп!

Она остановилась и посмотрела на него, потом подняла правую руку, нашла под тонкой тканью лифчика сосок и сжала его большим и указательным пальцем. Попыталась не игнорировать боль, а принять ее. Немного прогнула спину, почувствовала, как кровь приливает к соску и он выступает из-под ткани. Она позволила ему увидеть это. Услышала, как участилось его дыхание.

Он протянул ей бумагу, она подошла и схватила ее, после чего села на стул.

Перед ней был рисунок. Катрина узнала его по описанию надзирателя. Лицо демона, растянутое в стороны, будто в щеках и во лбу у него были крючья. Демон кричал от боли, кричал, чтобы вырваться наружу.

– Мне казалось, что эта татуировка появилась у него за много лет до смерти, – произнесла Катрина.

– Я бы так не сказал.

– Что вы имеете в виду? – спросила Катрина, изучая линии рисунка.

– А то, что она появилась у него после смерти.

Катрина подняла глаза и заметила, что взгляд его все еще прикован к ее блузке.

– Вы сделали ему татуировку после того, как он умер?

– Ты что, плохо слышишь, Катрина? Валентин не умер.

– Но... кто?

– Две пуговицы.

– Что?

– Расстегни две пуговицы.

Она расстегнула три и распахнула блузку, позволив ему увидеть чашечку лифчика с выпирающим из нее соском.

– Юдас... – Голос его осип и стал хриплым. – Я сделал наколку Юдасу. Тот пролежал три дня в чемодане у Валентина. Он просто запер его в чемодане, представляешь?

– Юдаса Юхансена?

– Все подумали, что он сбежал, но это Валентин забил его до смерти и спрятал в чемодан. Никто ведь не станет искать человека в чемодане, правда? Валентин настолько исколошматил его, что даже я сомневался, действительно ли это Юдас. Мясной фарш. Это мог быть кто угодно. Единственное, что более или менее уцелело, – это грудь. На нее-то я и должен был нанести татуировку.

– Юдас Юхансен. Значит, это его труп они нашли.

– Ну вот, я рассказал об этом, и теперь я тоже покойник.

– Но почему он убил Юдаса?

– Валентина здесь ненавидели. Конечно, это потому, что он растлевал маленьких девочек, которым и десяти не исполнилось. Потом тот случай с зубной врачом. Она

многим здесь нравилась. И надзиратели его ненавидели. В общем, с ним обязательно произошел бы несчастный случай, это был вопрос времени. Передоз. Может быть, все выглядело бы как самоубийство. И он решил что-нибудь предпринять.

– Он ведь мог просто сбежать?

– Они бы его нашли. Ему надо было сделать все так, чтобы казалось, что он умер.

– И его товарищ Юдас...

– Пригодился. Валентин не такой, как мы все, Катрина.

Катрина проигнорировала это обобщающее «мы».

– Почему вы хотели рассказать мне это? Вы ведь соучастник.

– Я просто сделал татуировку мертвому мужчине. К тому же вам надо поймать Валентина.

– Зачем?

Красный череп закрыл глаза:

– У меня было много видений в последнее время, Катрина. Он в пути. В пути назад, к живущим. Но сначала ему надо расправиться со своим прошлым. Со всем, что стоит у него на пути. Со всеми, кто знает. А я – один из них. Меня выпустят на следующей неделе. Вы должны поймать его...

– ...пока он не поймал вас, – закончила Катрина, пристально глядя на мужчину, сидевшего перед ней.

То есть она смотрела на точку в воздухе перед его лбом. Потому что ей казалось, что именно здесь, в этой точке, и происходила та сцена, о которой поведал Рико, – сцена с нанесением татуировки на трехдневный труп. И картина эта была такой тревожной, что Катрина ничего вокруг себя не замечала, не слышала и не видела. Пока не почувствовала, как ей на шею упала капелька влаги. Она услышала его тихий хрип и перевела взгляд ниже. Вскочила со стула и, спотыкаясь, пошла к двери, ощущая, как к горлу подступает тошнота.

Антон Миттет проснулся.

Сердце его бешено колотилось, он судорожно глотал воздух.

Антон растерянно поморгал, пытаясь сфокусировать взгляд.

Он посмотрел на покрашенную белой краской стену коридора перед собой. Он все так же сидел на стуле, прислонившись затылком к стене. Антон заснул. Заснул на работе.

Такого раньше с ним не случалось. Он поднял левую руку. Казалось, она весит килограммов двадцать. И почему сердце бьется так сильно, словно он пробежал половину марафонской дистанции?

Он взглянул на часы. Пятнадцать минут двенадцатого. Он проспал больше часа! Как это могло произойти? Антон почувствовал, как успокаивается сердце. Наверное, все из-за стресса последних недель. Дежурства, отсутствие режима. Лаура и Мона.

А что его разбудило? Еще один звук?

Он прислушался.

Ничего. Только звенящая тишина. И смутное воспоминание о том, что мозг зарегистрировал нечто показавшееся ему тревожным, навевающее воспоминания о том, как он спал в их доме у реки в Драммене. По реке прямо под его окнами проносились лодки с грохочущими моторами, однако мозг их не регистрировал. Но стоило только скрипнуть двери в спальню, как Антон уже подскакивал. Лаура утверждала, что это началось после драмменского дела, после того как они нашли у реки юного Рене Калснаса.

Он закрыл глаза и снова распахнул их. Господи, да он же чуть опять не заснул! Антон поднялся, но его так замутило, что он был вынужден сесть обратно. Поморгал. Чертов туман, он словно окутывал все органы чувств Антона.

Он посмотрел вниз, на пустой стаканчик из-под кофе, стоявший у стула. Надо бы сходить и сделать себе двойной эспрессо. Нет, черт, капсулы же кончились. Тогда надо позвонить Моне и попросить принести ему чашечку, она ведь скоро должна зайти к пациенту. Он достал телефон. Ее номер был записан как «ГАМЛЕМ КОНТАКТ НАЦБОЛЬНИЦА». Эта была мера предосторожности на случай, если Лаура захочет проверить список разговоров в его мобильном и обнаружит частые беседы с этим номером. Текстовые сообщения он, конечно, стирал сразу после прочтения. Антон уже собирался нажать кнопку вызова, когда его мозгу удалось идентифицировать это.

Посторонний звук. Скрип двери в спальню.

Тишина.

Неправильным было *отсутствие* звука.

Не было писка. Звука машины, регистрирующей удары сердца.

Антон вскочил на ноги, пошатываясь, добрался до двери палаты и распахнул ее, пытаясь отогнать тошноту. Потом уставился на зеленый монитор машины. На плоскую мертвую линию, тянущуюся через весь экран.

Антон подбежал к койке и посмотрел на бледное лицо пациента.

Он слышал, как по коридору в его сторону кто-то бежит. Наверное, у дежурного сработала сигнализация, когда машина перестала отсчитывать удары сердца. Антон автоматически опустил руку на лоб мужчины. Теплый. И все же Антон повидал достаточно трупов в своей жизни, чтобы отбросить сомнения. Пациент был мертв.

Похороны пациента прошли быстро и организованно, людей проводить его пришло немного. Священник даже не пытался сказать, что мужчину, лежащего в гробу, очень любили, что он прожил достойную подражания жизнь и заслуживает попадания в рай. Он сразу перешел к разговорам об Иисусе, который, по его утверждению, присудил всем грешникам walk-over^[25].

Пришедших было так мало, что их не хватило для переноски гроба, поэтому он остался стоять у алтаря, пока публика выходила из церкви Вестре-Акера в снежную метель. Львиная доля явившихся на похороны, а точнее, четверо были полицейскими. Они сели в одну машину и поехали в только что открывшийся бар «Юстисен», где их ждал психолог. Они стряхнули снег с ботинок, заказали пиво и воду в бутылках, которая была ничуть не чище и не вкуснее воды из ослоских кранов. Они подняли тост, обругав покойного, как и положено, и выпили.

– Он умер слишком рано, – сказал начальник отдела по расследованию убийств Гуннар Хаген.

– Слегка рановато, – произнесла руководительница криминалистического отдела Беата Лённ.

– Чтоб он горел долго и ярко, – подхватил рыжеволосый криминалист в замшевой куртке с рюшами Бьёрн Хольм.

– Как психолог, ставлю вам диагноз «отсутствие контакта с собственными чувствами», – произнес Столе Эуне, поднимая бокал с пивом.

– Спасибо, доктор, но наш диагноз – «полиция», – ответил Хаген.

– Отчет о вскрытии... – начала Катрина. – Мне кое-что показалось неясным.

– Он умер от инсульта, – сказала Беата. – Удар. Такое случается.

– Но он ведь вышел из комы, – вступил Бьёрн Хольм.

– Это может в любой момент произойти с любым из нас, – ответила Беата бесцветным голосом.

– Спасибо за информацию, – сказал Хаген, ухмыляясь. – Но теперь, когда история умершего закончилась, предлагаю взглянуть в будущее.

– Способность быстро побороть травматические явления определяет людей с низким интеллектом. – Эуне отпил из бокала. – Просто чтобы вы знали.

Хаген ненадолго задержал взгляд на психологе и продолжил:

– Я думаю, хорошо, что мы собрались здесь, а не в конторе.

– Да, кстати, а чего мы сюда пришли? – спросил Бьёрн Хольм.

– Чтобы поговорить об убийствах полицейских. – Хаген повернулся. – Катрина?

Катрина Братт кивнула и покашляла.

– Коротко о деле, чтобы и психолог был в курсе, – сказала она. – Двое полицейских убиты. Оба на местах совершения нераскрытых в прошлом преступлений, в расследовании которых они принимали участие. Что касается убийств полицейских, то у нас до сих пор не было ни следов, ни подозреваемых, ни предположительных мотивов. Что касается давних убийств, мы исходим из того, что они были совершены по сексуальным мотивам, на месте их совершения были найдены кое-какие технические улики, но ни одна из них не привела к конкретному подозреваемому. То есть на допрос вызывались многие, но постепенно они один за другим выпали из этого дела – кто из-за алиби, кто из-за того, что не соответствовал

психологическому типу. А вот сейчас один из них вновь выставляет свою кандидатуру...

Она вынула что-то из сумочки и положила на стол так, чтобы всем было видно. Это была фотография мужчины с обнаженным торсом. Дата и номер на ней свидетельствовали, что это так называемая чернильная фотография – снимок заключенного, сделанный полицией.

– Перед вами Валентин Йертсен. Половые преступления против мужчин, женщин, детей. Первый раз его привлекали к ответственности, когда ему было шестнадцать. Он тискал девятилетнюю девочку, которую обманом заманил покататься на лодке. Через год на него заявила соседка. Она утверждала, что он пытался изнасиловать ее в подвальной прачечной.

– И как он связан с Маридаленом и Триванном? – спросил Бьёрн Хольм.

– Пока совпадает психотип, и, кроме того, женщина, предоставившая ему алиби на момент совершения убийств, только что сообщила нам, что соврала. Она сделала так, как он ей велел.

– Валентин сказал ей, что полиция пытается осудить его, хотя он невиновен, – добавила Беата Лённ.

– Ага, – протянул Хаген. – Из-за этого он может ненавидеть полицию. Что скажешь, доктор? Такое ведь может быть?

Эуне задумался с явным интересом.

– Конечно. Но общее правило, которого я придерживаюсь, когда речь идет о человеческой психике, гласит, что возможно все, что можно себе представить. Плюс еще кое-что, что невозможно себе представить.

– Пока Валентин Йертсен отбывал срок за нападение на несовершеннолетних, он изнасиловал и искалечил женщину-дантиста в Иле. Он опасался мести за это и решил бежать. Для того чтобы сбежать из Илы, не надо быть волшебником, но Валентин хотел сделать так, чтобы все подумали, будто он умер, и не стали бы его искать. Поэтому он убил соседа по тюрьме, Юдаса Юхансена, избил его до неузнаваемости и спрятал труп. Когда Юдас не явился на переключку, его объявили сбежавшим. Потом Валентин угрозами заставил тюремного татуировщика нанести копию собственной наколки с лицом демона на единственное уцелевшее место на трупe Юдаса – на грудь. Он пообещал убить татуировщика и всю его семью, если тот когда-нибудь кому-нибудь об этом расскажет. В ночь своего побега Валентин переделал Юдаса Юхансена в свою одежду, положил его на пол в камере и оставил дверь открытой, чтобы любой мог туда попасть. Когда на следующее утро обнаружили труп того, кого приняли за Валентина, никто особо не удивился. Это было более или менее ожидаемое убийство заключенного, которого ненавидели больше всех остальных. Все было настолько очевидно, что у трупа даже не сняли отпечатков пальцев и, уж конечно, не провели анализ ДНК.

На некоторое время за столом воцарилась тишина. Вошел какой-то посетитель и хотел было присесть за соседний столик, но под взглядом Хагена переместился вглубь помещения.

– Ты хочешь сказать, что Валентин сбежал и живет-поживает, – подытожила Беата Лённ. – И что это он совершил как давние убийства, так и убийства полицейских. И что мотивом последних убийств стала месть полиции как таковой. И что он использует места совершения своих старых преступлений для совершения новых. Но за что конкретно он мстит? За то, что полиция делает свою работу? Тогда немногие из нас остались бы в живых.

– Я не уверена в том, что он мстит полиции как таковой, – сказала Катрина. –

Надзиратель в Иле рассказал мне, что к ним приходили двое полицейских и расспрашивали некоторых заключенных об убийствах девочек в Маридалене и Триванне. Они разговаривали с самыми жестокими убийцами и рассказывали больше, чем спрашивали. Они указали на Валентина как на... – Катрина сделала паузу, – растлителя детей.

Все, включая Беату Лённ, вздрогнули. Удивительно, как одно слово способно произвести больший эффект, чем самые жуткие фотографии с места преступления.

– Даже если это было не настоящим смертным приговором, то чем-то очень похожим.

– И эти двое полицейских?

– Надзиратель, с которым я говорила, их не помнит, и их визит нигде не зарегистрирован. Но можно угадать.

– Эрленд Веннесла и Бертиль Нильсен, – произнес Бьёрн Хольм.

– Начинает вырисовываться определенная картина, вам не кажется? – заметил Гуннар Хаген. – Этот Юдас подвергся такому же жестокому избиению, какое мы наблюдали при убийстве полицейских. Доктор?

– Да-да, – ответил Эуне. – Убийцы – рабы привычек и придерживаются опробованных способов убийства. Или одинаковых методов выброса ненависти.

– Но в случае с Юдасом у жестокости была определенная цель, – сказала Беата. – Замаскировать собственный побег.

– Если события и вправду разворачивались таким образом, – ответил Бьёрн Хольм, – того эка, с которым говорила Катрина, вряд ли можно назвать самым надежным свидетелем.

– Верно, – сказала Катрина. – Но я ему верю.

– А чего так?

Катрина криво улыбнулась:

– Как там Харри говорил? Интуиция – это сумма множества мелких, но совершенно конкретных вещей, которым мозг еще не успел дать определения.

– Может, откопаем труп и проверим? – спросил Эуне.

– Как же, – фыркнула Катрина.

– Кремирован?

– За неделю до этих событий Валентин составил завещание, в котором просил после смерти кремировать его как можно быстрее.

– И с тех пор о нем никто ничегошеньки не слыхивал, – сказал Хольм. – Пока он не пришел Веннеслу и Нильсена.

– Именно такую версию представила мне Катрина, – ответил Гуннар Хаген. – Она еще слабенькая и, мягко говоря, довольно дерзкая, но, пока наша следственная группа пытается добиться результатов по другим версиям, я хочу дать шанс этой. Именно поэтому я собрал вас здесь сегодня. Я хочу, чтобы вы составили маленькую группу особого назначения, которая проверит этот – и только этот – след. Остальным предоставьте заниматься большой следственной группой. Если вы возьметесь за это задание, то будете отчитываться непосредственно передо мной, и... – он покашлял, звук его кашля походил на короткие громкие выстрелы, – и только передо мной.

– Ага, – сказала Беата, – то есть...

– Да, вы будете работать втайне.

– Втайне от кого? – спросил Бьёрн Хольм.

– От всех, – ответил Хаген. – Абсолютно от всех, кроме меня.

Столе Эуне прочистил горло:

– А особенно от кого?

Хаген большим и указательным пальцем перекатывал туда-сюда складку кожи на шее. Веки его наполовину закрылись, как у ящерицы на солнышке.

– От Бельмана, – твердо произнесла Беата. – От начальника полиции.

Хаген всплеснул руками:

– Мне просто нужны результаты. Мы добились успеха, когда еще при Харри создали независимую маленькую группу. Но начальник полиции запретил это делать. Он хочет, чтобы работала большая группа. Может быть, мои слова покажутся вам криком отчаяния, но в большой группе полностью иссякли идеи, а мы *обязаны* поймать этого убийцу полицейских. Не поймает – все развалится. Если же начнется конфронтация с начальником полиции, естественно, я целиком и полностью возьму ответственность на себя. В таком случае я скажу ему, будто не поставил вас в известность о том, что он не проинформирован о работе вашей группы. Но я, конечно, понимаю, в какое положение ставлю вас, поэтому вам решать, вяжетесь вы в это или нет.

Взгляды всех присутствующих обратились к Беате Лённ. Все знали, что на самом деле решение будет принимать она. Если она согласится, то и они согласятся. А если откажется...

– Лицо демона у него на груди, – сказала Беата. Она взяла со стола фотографию и стала ее разглядывать. – Он похож на существо, которое хочет вырваться наружу. Прочь из тюрьмы. Прочь из собственного тела. Или из собственного мозга. Прямо как Снеговик. Возможно, он один из них. – Она подняла глаза и быстро улыбнулась. – Я в деле.

Хаген обвел взглядом остальных. Все поочередно кивнули.

– Хорошо, – сказал Хаген. – Я буду руководить обычной следственной группой, как и раньше, а Катрина будет формально руководить этой. А поскольку она работает в полицейском округе Бергена и Хордаланна, вам формально не обязательно отчитываться перед начальником полиции Осло.

– Мы работаем на Берген, – сказала Беата. – Ну а почему бы и нет? Выпьем же за Берген, люди!

Все подняли бокалы.

Когда они вышли из «Юстисена», начался небольшой дождь и воздух наполнился запахами гравия, бензина и асфальта.

– Позвольте воспользоваться случаем и поблагодарить вас за то, что позвали меня обратно, – сказал Столе Эуне, застегивая пальто фирмы «Бёрберри».

– Победители снова на коне, – улыбнулась Катрина.

– Прямо как в старые добрые времена, – произнес Бьёрн, удовлетворенно похлопывая себя по животу.

– Почти, – сказала Беата. – Не хватает одного человека.

– Эй! – остановил ее Хаген. – Мы договорились больше не говорить о нем. Его больше нет, и с этим ничего не поделать.

– Он никогда не оставит нас насовсем, Гуннар.

Хаген вздохнул, посмотрел на небо и пожал плечами:

– Может, и так. В Национальной больнице дежурила одна студентка Полицейской академии. Она спросила меня, бывали ли случаи, когда Харри Холле не смог раскрыть убийство. Сначала я подумал, что вопрос задан из любопытства, поскольку она проводила время в непосредственной близости от того человека. Я ответил, что дело Густо Ханссена

так и не было до конца прояснено. А сегодня я узнал, что моему секретарю позвонили из Полицейской академии и попросили копию именно этого дела. – Хаген грустно улыбнулся. – Возможно, несмотря ни на что, он уже становится легендой.

– Харри всегда будут помнить, – сказал Бьёрн Хольм. – Лучше его нет никого, с ним даже рядом никто не стоит.

– Может, и так, – ответила Беата. – Но здесь стоят четыре человека, которые, черт возьми, недалеко от него ушли. Или нет?

Они посмотрели друг на друга. Кивнули. Попрощались, обменявшись быстрыми короткими рукопожатиями, и пошли в трех разных направлениях.

Микаэль Бельман видел фигуру над мушкой пистолета. Он прищурил один глаз и медленно отвел курок назад, слушая, как бьется его сердце: спокойно, но мощно. Он чувствовал, как кровь приливает к кончикам пальцев. Фигура не шевелилась, хотя ему казалось, что она двигается. Все потому, что сам он не мог стоять спокойно. Он отпустил курок, сделал вдох и снова сосредоточился. Снова поймал фигуру на мушку. Выстрелил. Увидел, как фигура вздрогнула. Вздрогнула так, как надо. Противник умер. Микаэль Бельман знал, что попал ему в голову.

– Везите труп сюда, мы сделаем вскрытие, – прокричал он, опуская свой «Хеклер и Кох P30L» и снимая защитные наушники и очки.

Он услышал электрический гул и пение провода, по которому к нему плыла фигура, резко остановившаяся в полуметре от него.

– Хорошо, – сказал Трульс Бернтсен, отпустил переключатель, и гул прекратился.

– Нормально, – ответил Микаэль, изучая бумажную мишень, покрытую рваными дырками на торсе и голове, а затем кивнул в сторону мишени со снесенной головой на соседней дорожке: – Но не так хорошо, как у тебя.

– Нормально для аттестации. Слыхал, в этом году ее не прошли десять и две десятых процента.

Трульс натренированными руками сменил свою мишень, нажал на переключатель, и новая фигура с пением двинулась в обратный путь. Она остановилась у металлической пластины с зелеными пятнами в двадцати метрах от них. Микаэль услышал легкий женский смех, донесшийся с одной из дорожек с левой стороны. Он увидел, как две молодые девушки склонились друг к другу и поглядывают на них. Наверняка студентки академии, которые его узнали. Все звуки в этом помещении имели свою частоту, поэтому, несмотря на грохот выстрелов, Микаэль слышал звук рвущейся бумаги и ударов свинца о металлическую пластину позади мишеней. После этого раздавался негромкий металлический звон падающей в коробку пули. Коробки стояли под мишенями и служили для сбора отстрелянных пуль.

– Более десяти процентов наших сотрудников на практике не в состоянии защитить ни себя, ни других. Что начальник полиции думает по этому поводу?

– Не все полицейские имеют возможность так много упражняться в стрельбе, как ты, Трульс.

– У которого так много свободного времени, ты хочешь сказать?

Трульс рассмеялся неприятным хрюкающим смехом. Микаэль Бельман присмотрелся к своему подчиненному и другу детства. Беспорядочно торчащие острые зубы (родители не удосужились выпрямить), красные десны. Все в нем было таким же, как и раньше, но что-то тем не менее изменилось. Может, дело в новой прическе? Или во временном отстранении? Такие вещи способны влиять на людей, которые раньше считались не слишком чувствительными. А может быть, они оказывают воздействие именно на таких людей, на тех, кто не привык постоянно проветривать свои чувства, кто держит их внутри и надеется, что со временем они исчезнут. Вот такие люди могли сломаться. Пустить себе пулю в висок.

[Купить полную версию книги](#)

Крипос – Главное управление криминальной полиции Норвегии.

Арланда – аэропорт Стокгольма.

«Темная сторона Луны», альбом группы «Пинк Флойд».

«Затмение» (англ.).

«И все под солнцем находится в гармонии, но луна затмевает солнце» (англ.).

«На самом деле нет никакой темной стороны луны. В действительности она вся темная» (англ.).

В России эта гора носит название Чогори.

Дикая гора (англ.).

Магическая линия (англ.).

Черчилль, умри от зависти (англ.). Выдающийся английский политик в молодости увлекался альпинизмом и взошел на десяток вершин.

Дамы и господа, Элвис уже покинул здание (англ.).

Фаулер, Рик – американский гольфист.

Американская панк-рок-группа.

Миллер, Боуд – знаменитый американский горнолыжник.

Свиндаль, Аксель Лунд – норвежский горнолыжник, пятикратный чемпион мира.

Омудт, Хетиль Андре, и Кьюс, Лассе – знаменитые норвежские горнолыжники.

Так тебе, сукин сын! (англ.)

Веретенообразная извилина (лат.).

Трупное окоченение (лат.).

Вундеркиндом (англ.).

«Повреждение мозга» (англ.).

Может случиться в любой момент (англ.).

Спасибо, что поделился (англ.).

В этом есть смысл (англ.).

Техническое поражение (англ.).